СБ 398 (=16)
К724

ДАРУНОК Сергія Білоконя

КОЛЕКЦІЯ Сергія Білоконя

СЛАВЯНСКАЯ МИѲОЛОГІЯ.

сочиненіе

Николая Костомарова.

(изклеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ Св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года).

КІЕВЪ.

Въ Типографіи І. Вальнера.

1847.

499219

Изъ лѣтописи нашего Нестора видно, что Славяне Русскіе имѣли понятіе о единомъ верховномъ существѣ, котораго по преимуществу называли Богомъ и отличали отъ Перуна, главнаго изъ второстепенныхъ божествъ [4]. Другія божества были существа, происходившія или вытекавшія отъ верховнаго. Такъ Гельмольдъ намъ поясняетъ этотъ основной догматъ славянской языческой богословіи: — прочія божества, — говоритъ онъ, — истекли постепенно отъ высочайшаго Бога и какъ бы раждаются изъ крови Его; и отъ того изъ нихъ тотъ выше и совершеннѣе, кто болѣе приближается къ Богу-боговъ [5]. Слѣдовательно, коренной принципъ славянской религіи — емманація; по славянскому понятію, и нравственная и физическая природа представляется живущею, заключающею въ каждомъ явленіи своемъ жизненный духъ, исходящій отъ зиждителя. Такой принципъ емманаціи подалъ Колларъ и Ганушъ [6]. поводъ видѣть въ славянской религіи единство съ индійскою.

Однако, Славянское понятіе о божествѣ совсѣмъ не пантеизмъ. Богъ, или Прабогъ, какъ называетъ его Колларъ, не самъ образовалъ міръ, не разсѣялся въ своемъ твореніи, а только испустилъ изъ себя духовъ, которые населяютъ матерію и служатъ какъ бы посредниками между мертвою массою и всеоживля-

4) Др. Текс. лѣт. Нест. 20. — 5) Chron. Slav. ibid. — 6) Nar. spiew. Die Wissensch. der Myth.

dlib.kiev.ua

мнимъ началомъ, но сами существуютъ отъ Бога отлично. Славянское върованіе скорѣе имѣетъ разительное сходство съ ученіемъ Зенд-Авесты объ фервашахъ и изедахъ [7].

Ближайшее къ Богу истеченіе есть свѣтъ, и потому, при тщательномъ разсмотрѣніи, мы найдемъ, что существеннѣйшая часть язычества славянского относится къ свѣтопоклоненію. Оу Славянъ было вѣрованіе, что существо свѣта явилось на землѣ и воплощалось въ человѣческомъ родѣ. Это ясно изъ одного мѣста ипатіевской лѣтописи. Нѣкогда царствовалъ на Землѣ Сварогъ (высоч. существо, отецъ свѣта), научилъ человѣка искуству ковать и брачнымъ связямъ; потомъ царствовалъ сынъ его Даждь-Богъ, еже нарицается солнце [8]. Въ словѣ Сварогъ можно отгадать санскритское слово сварх, свѣтъ, небо, отъ сего быть можетъ и наше слово варх. Руководствуясь этимъ важнымъ мѣстомъ, мы постараемся отыскать во многихъ идолахъ славянскихъ, почитаемыхъ за особенныя существа, тоже поклоненіе свѣту физическому и духовному. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ, что въ городѣ Ределистѣ (Ретрѣ), оу Полабскихъ Славянъ былъ храмъ съ деревянными изображеніями божествъ, изъ которыхъ высшій всѣхъ былъ Сварожичь [9]. Знаю, что Сварогъ

---

7) Zend-Avest. I. B. I. Th. 235. Kleuk. 18-21. — 8) Ип. лѣт. 5. — 9) Chron. L. VI. 135. см. Shaff. cas. czesk. mus. 1844. Sv. IV.

dlib.kiev.ua

есть свѣтъ и отецъ Даждь-Бога, также свѣта, солнца, нетрудно, кажется, видѣть, что Даждь-Богъ и Скарожичь лицо одно и тоже. Храмъ его, говоритъ Дитмаръ, построенный изъ дерева, поддерживался въ основаніи рогами животныхъ, стѣны исписаны были разными изображеніями боговъ и богинь; въ храмѣ стояли кони, исчерченные таинственными письменами, страшно убранные въ шишаки со щитами; посреди всѣхъ стоялъ Скарожичь, почитаемый больше всѣхъ боговъ язычниками, которые сносили въ храмъ свои знамена, когда онѣ не нужны были на войнѣ. Хранить храмъ опредѣлены выбранные жителями лица; когда приносили жертвы или умоляли божество утишить гнѣвъ, они сидѣли, въ то время когда всѣ стояли, и, шепча, поочереди ударяли въ землю: такимъ образомъ, они разрѣшали по брошеннымъ жребіямъ соминѣнія; послѣ этого, украсивъ зелеными вѣтвями коня, почитаемаго священнымъ, проводили его чрезъ копья, воткнутыя въ землю, накрестъ одно къ другому. Когда въ окѣнъ гаданьяхъ замѣчали благопріятное предзнаменованіе, то приступали къ замышляемому дѣлу, ежелижь нѣтъ, то покидали намѣреніе [19]. Городъ, гдѣ стоялъ идолъ въ храмѣ, полѣщается отъ Дитмара въ деревнѣ Редеріумѣ; онъ съ тремя коротами, и окруженъ священною рощею.

---

10) Chron. L. VI. 136.

Адамъ Бременскій въ своей церковной исторіи описываетъ въ городѣ Ретрѣ храмъ идола, называемаго Радегастъ. Градъ, гдѣ былъ храмъ, имѣлъ десять воротъ и окруженъ былъ озеромъ, черезъ которое проходили по мосту тѣ, кому надлежало туда итти для жертвоприношеній и гаданій [11]. Тоже говоритъ Гельмольдъ [12], прибавляя, что Радегастъ былъ верховное божество и богослуженіе ему отправлялось очень разнообразно. Въ храмъ стекались для жертвоприношеній и гаданій: сіи обряды оба отправлялись вмѣстѣ. Предъ начатіемъ богослуженія, жрецы гадали, и по жребіямъ, давали пророченія: угодна или неугодна будетъ жертва въ настоящее время; и если угодна — то закалали быковъ и овецъ, жрецъ возливалъ на идола кровь жертвы, чтобъ содѣлать его благосклоннѣе; потомъ возвѣщаемы были совѣты и пророченія. Во время борьбы съ Христіанствомъ приносимы были въ жертву и поклонники Іисуса. О наружномъ видѣ Радегаста Адамъ Бременскій говоритъ, что идолъ былъ золотой [13], а Ложе у него пурпурное. Конечно, сіе превеличеніе: вѣроятно идолъ былъ позолоченный. Подробное описаніе Радегаста оставила намъ хроника саксонская [14]. На головѣ у него сидѣлъ орелъ съ распростертыми крыльями, а на груди была черная бычачья голова, изображенная

11) Script. rer. Germ. Hist. eccles. L. 11. C. 2. — 12) Chr. Slav. 125. 13) Hist. eccles. ibid. — 14) Chron. Sax. in Chr. Slav. Helm. et Arn. C. 53. N. p. 126.

dlib.kiev.ua

на щитѣ: этотъ щитъ идолъ держалъ правою рѹкою, а въ лѣвой онъ имѣлъ сѣкиръ съ двѹмя остреями.

Радегастъ и Сварожичь было одно и тоже божество. Доказательства слѣдѹющія 1 Дитмаръ, говоря о Сварожичѣ, называетъ городъ, гдѣ онъ находился, городомъ Редегаста, а изъ хроники саксонской и любекской мы ѹзнаемъ, что поклоненіе Радегастѹ было въ разныхъ мѣстахъ Славянщины, и тѣ города, гдѣ находились капища этого божества, назывались его именемъ. Дитмаръ могъ описать одинъ изъ многочисленныхъ храмовъ, подобныхъ тому, какой описанъ въ Ретрѣ Адамомъ Бременскимъ и Гельмольдомъ. 2. Какъ къ Сварожичѹ, такъ и къ Радегастѹ приходятъ для жертвоприношеній и оракѹла. 3. Какъ тотъ, такъ и другой называется верховнымъ божествомъ. Желанье Радегастъ однозначителенъ съ Сварожичемъ, то онъ одно лицо и съ Даждь-Богомъ, и означаетъ воплощеніе свѣта физическаго и нравственнаго. Преданіе о царствѣ солнца видно и въ поверьяхъ о Радегастѣ; ибо Славяне вѣрили, что Радегастъ былъ герой, нѣкогда царствовалъ со славою, потомъ палъ въ бою и сдѣлался божествомъ [15], т. е. съ нимъ соединяли священнѹю исторію о воплощеніи свѣтоноснаго начала, боровшагося съ противнымъ злымъ сѹществомъ, какъ яснѣе ѹвидимъ да-

15) Chron. Slav. 126.

dlib.kiev.ua

лѣе. Но оуже довольно ясно, что Радегастъ или Сварожичь былъ посредникъ между небомъ и землею, высшая мудрость; кличетъ съ тѣмъ Вацерадъ говоритъ, что Радигостъ князь Киртовъ (коръ-солнце) былъ покровитель гостепріимства и промышленности, ибо гость означалъ и купца [16]. При этомъ, онъ былъ божество войны, что показываетъ оружіе въ рукахъ, и кровавыя жертвы; и потому то его называютъ марсомъ славянскимъ: мы уже знаемъ, что по славянскому вѣрованію владѣть оружіемъ людей научило божество кличетъ съ земледѣліемъ, какъ и оу Зендовъ [17]. Вспомнимъ, что и Аполлонъ представлялся воюющимъ, стрѣлкомъ изъ лука; и оу всѣхъ свѣтопоклонниковъ свѣтоносное начало изображалось воинственнымъ, въ смыслѣ борьбы его съ мракомъ и зломъ. — Тоже значеніе, какое имѣли Сварожичь и Радегастъ, имѣлъ и Свантовитъ, которому первосвященническое богослуженіе отправлялось на островѣ Рюгенѣ и описано Саксономъ Грамматикомъ. На меловомъ оутесѣ сѣверовосточнаго рюгенскаго мыса, стояла оукрѣпленный, но незначительный по пространству града или замокъ, Аркона, славившій для отправленія богослуженія и для оукрытія жителей во время непріятельскихъ набѣговъ. Посреди града была площадь; на ней стояло деревянное, изящно обдѣланное, зданіе, въ которомъ находился идолъ

16) Mat. verb. 14. — 17) Впат. лѣт. 5. Zend-Avesta Vend. farg. 11. 307.

dlib.kiev.ua

Свантовита. Внѣшній входъ въ это зданіе былъ аркообразный и карнизы украшены рисунками грубой работы. Храмъ раздѣлялся на двѣ части; посреди зданія находилось отдѣленіе на четырехъ колоннахъ: вмѣсто стѣнъ ему служили висячіе покровы. Кромѣ потолка, блиставшаго красною краскою, внутреннее отдѣленіе не сообщалось съ внѣшнимъ. Тамъ-то стоялъ идолъ Свантовита, превосходившій огромностію всякій ростъ человѣческій, съ четырьмя головами и четырьмя шеями, съ двухъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ груди; борода у идола была тщательно прикрана, волосы острижены, такъ — что художникъ подражалъ прическѣ Рюгенцевъ. Въ одной рукѣ идолъ держалъ рогъ съ виномъ, который жрецъ, опредѣленный къ святилищу, наполнялъ ежегодно въ назначенный день виномъ, и по этому вину угадывалъ благоденствіе будущаго года. Лѣвую руку онъ держалъ согнувши, на подобіе лука, — по извѣстіямъ древнимъ держалъ въ ней лукъ. Идолъ былъ одѣтъ; одежда достигала до колѣнъ, которыя были сдѣланы не изъ одного дерева съ туловищемъ; но такъ искусно соединены съ нимъ, что проницательный глазъ не могъ примѣтить раздѣла. Ноги его стояли на голой землѣ и подошвы входили въ землю. Подлѣ идола находились его принадлежности: сѣдло, узда и замѣчательный огромный мечъ, котораго ножны и рукоятка блистали серебромъ и прекрасною работою. Свантовиту отправляли богослуженіе въ опредѣленные

дни и гадали о бyдyщемъ. Онъ былъ богъ плодовъ земныхъ и богъ войны. Каждый мyжчина и каждая женщина считали обязанностiю благочестiя принести емy въ даръ монетy; емy принадлежала также третья часть добычи, взятой на войнѣ; назначалась для его охраненiя вооpyженная гвардiя изъ трехъ сотъ конныхъ воиновъ и столько же пѣшихъ стрѣлковъ, сражавшихся по имя бога и называвшихся его войсковымъ: все, пpiобpѣтенное ими opyжiемъ и хитростiю, приносилось жрецy, который сохранялъ достоянiе божества въ запертыхъ сyндyкахъ, въ особенныхъ коморахъ. Кромѣ изобилiя денежнаго, въ этихъ коморахъ находилось много пyрпyрныхъ матерiй, yже истлѣвшихъ отъ времени, и огромное количество даровъ разнаго рода, общественныхъ и частныхъ, приносимыхъ щедростiю дающихъ обѣты. Вся Славянщина питала yважение къ рюгенскомy истyкану, и даже чyжеземные цари посылали тyда подарки. И въ дpyгихъ мѣстахъ находились такiяже капища и изображенiя этого божества; за ними смотрѣли жрецы меньшаго достоинства нежели арконскiй. Кромѣ сокровищъ, при этомъ храмѣ находился бѣлый конь, котораго гривy и хвостъ запрещено было свивать. Только жрецъ могъ сѣсть на него и кормить его; животное, принадлежавшее божествy, не должно было yнижать частою и обыкновенною ѣздою. Славяне думали, что на этомъ конѣ ѣздитъ самъ Свантовитъ и сражается съ своими непрiятелями; это дока-

dlib.kiev.ua

зывали Славяне тѣмъ, будто часто видѣли, какъ конь, поставленный въ конюшнѣ вечеромъ, утромъ выбѣгаетъ весь въ пѣнѣ, какъ бы послѣ долгой ѣзды. Этотъ конь служилъ для прорицаній. Когда собирались на войну, то передъ храмомъ ставили тройной рядъ копій, воткнутыхъ въ землю остріями, по два въ каждомъ рядѣ. Копья стояли на крестъ одно къ другому. Такимъ образомъ, всѣхъ копій было шесть; разстояніе отъ перваго ряда до другого было такое же, какое отъ втораго до третьяго. Послѣ торжественныхъ молитвъ, жрецъ за узду проводилъ коня черезъ три ряда. Ежели конь, перепригивая, поднималъ прежде правую ногу, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ, — а ежели лѣвую — то несчастливымъ, и тогда оставляли предпріятіе. Равнымъ образомъ, Славяне не прежде приступали къ плаванію и вообще ко всякому важному дѣлу, какъ испытавши скачокъ животнаго. Кромѣ этого гаданья, жрецы гадали по дощечкамъ: брали три дощечки, у которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная, и бросали: ежели двѣ упадутъ бѣлою стороною — означаетъ счастіе, а ежели черною — несчастіе. И женщины при храмѣ гадали по линіямъ въ пеплѣ на потухлицемъ углѣ. При храмѣ Свантовита хранились также священныя знамена и орлы, употребляемые на войнѣ. Славяне питали особенное уваженіе къ одному знамени, которое называлось станиціа; его появленіе возбуждало мужество. Когда Датча-

dlib.kiev.ua

не взяли его знамя, Арконцы такъ упали духомъ, что потеряли городъ, а до того времени они защищались съ великимъ упорствомъ [18]).

Гельмольдъ говоритъ [19]), что подъ Свантовитомъ разумѣли Славяне солнце, приписывали солнцу первенство надъ другими божествами и посвящали ему храмъ кумира [20]). Храмъ былъ мѣстомъ прорицанія для приходившихъ изъ разныхъ странъ: туда приносили годовые дары и отправляли жертвы годового очищенія. Отъ Гельмольда онъ называется богъ боговъ; прочіе боги почитались передъ нимъ полу-богами [21]). Подобно Саксону Грамматику, и Гельмольдъ также признаетъ его богомъ войны: между прочими кровавыми жертвами ему приносили и Христіанъ, какъ враговъ этого божества. Свантовитъ былъ покровитель всякаго художества и торговли: каждый купецъ, пріѣзжавшій въ Славянскую землю, не прежде могъ пользоваться свободнымъ правомъ своего занятія, какъ заплативши даръ Свантовиту [22]). Оттого, жрецы обладали большими сокровищами; вся гражданская власть находилась подъ ихъ освященіемъ, и ни на какое предпріятіе не осмѣливался народъ, не испросивъ прежде надежды на помощь бога [23]). Въ извѣстіяхъ о Свантовитѣ видны слѣды воплощенія его на зем-

18) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XIV. p. 288-289. — 19) Chron. Slav. C. VI. p. 21. — 20) ibid. L. II. C. XII. p. 234. — 21) ibid. 225. — 22) ibid. L. VI. 22. L. II. 235. — 23) ibid.

dlib.kiev.ua

лѣ. Ѣзда его на бѣломъ конѣ показываетъ, что подъ нимъ понимали не только вообще солнечную животворящую силу, но и воплощеніе въ человѣческомъ образѣ. Воинственность его и корыта со крагами намекаетъ на историческую часть поклоненія. Саксонъ Грамматикъ и Гельмольдъ догадываются, что поклоненіе Свантовиту произошло отъ Св. Вита, котораго память занесли туда миссіонеры, корбейскіе монахи, въ царствованіе Людовика благочестиваго, и что Славяне, передѣлавъ его имя, почитали подъ нимъ своего бога боговъ [24]. Слишкомъ надобно быть ограниченнымъ, чтобъ повѣрить такому производству. Самъ Гельмольдъ [25] говоритъ, что Славяне почитали подъ символомъ Свантовита солнце, а поклоненіе свѣту, конечно, не образовалось послѣ пришествія корбейскихъ монаховъ; притомъ, языческіе обряды и принадлежности этого божества такъ повсемѣстны у Славянскихъ племенъ, и такъ много заключаютъ общеязыческаго, что древность поклоненія Свантовиту не можетъ восходить единственно къ IX. вѣку. Вѣроятно, Славяне разсказывали монахамъ о царствѣ Свантовита на землѣ и называли его великимъ своимъ покровителемъ. Монахи заключили по созвучію, не зная по славянски, что это лицо должно быть есть Св. Витъ. Такое мнѣ-

24) Sax. Gram. L. XIV. p. 289. — Chr. Slav. L. I. 20. L. II. 235. — 25) ibid.

dlib.kiev.ua

нїе сдѣлалось полезнымъ для миссїонеровъ. Язычники, по свидѣтельству Гельмольда, такъ были привержены къ Свантовиту, что долгое время послѣ крещенїя не забывали его обрядовъ; — тогда, для постепеннаго успокоенїя ихъ, подставили имъ Св. Вита, вмѣсто Свантовита, по сходству именъ, да и сами успокоивались тою мыслїю, что ежели народъ и продолжаетъ отправлять языческїе обряды, то по крайней мѣрѣ въ честь христїанскаго Святаго. Иллирїйскїе Славяне до сихъ поръ празднуютъ день Святаго Вита съ языческими обрядами [26]; въ Богемїи обожали Свантовита какъ главное божество и не могли отстать отъ него и въ христїанствѣ, до тѣхъ поръ пока Князь Венцеславъ не выписалъ отъ императора Оттона мощи Св. Вита и не поставилъ ихъ для поклоненїя вмѣсто идола [27]. Это доказываетъ, что поклоненїе Свантовиту было древнее, повсемѣстное, а мысль о происхожденїи его отъ Св. Вита, котораго имя, вѣдтобы, занесено въ IX столѣтїи на Рюгенъ, родилась уже гораздо послѣ. Имя Свантовитъ, по толкованїю Шаффарика, происходитъ отъ слова Свантый (Swięty) Святый и Витъ [28]. Витъ было слово, означавшее вообще достоинство природы человѣческой: оттуда витязь, витяжество, zwycięstwo (побѣда), витїй, (краснорѣчивый, мудрый);

---

26) Карамз. Ист. госуд. росс. т. I. стр. 47. — 27) Hist. Boiem. Dubr. L. I. p. 7. — 28) Shaff. staroz. okr. I. czt. III. §. 18. 350.

dlib.kiev.ua

тамъ и корень словъ: отвѣтъ, привѣтъ, вѣщать, вѣщій. И даже въ языкахъ нѣмецкаго племени сохранилось сіе значеніе: такъ по англосаксонски vita совѣтникъ, оттуда vitzig, vittenagemot судьи, собраніе старѣйшинъ, и скандинавское vitter чародѣй, вѣщунъ [29].

Что Свантовитъ, Сварожичь, Радегастъ и Даждьбогъ одно и тоже — кажется ясно. Конь у Свантовита и у Сварожича; воплощеніе на землѣ и у Свантовита и у Радегаста; всѣ три — божества войны, предвѣщаній; Радегастъ и Свантовитъ божества промышленности, каждый изъ трехъ называется единымъ верховнымъ божествомъ. Принадлежности сихъ кумировъ указываютъ на нихъ значеніе какъ свѣтоноснаго начала, а различій произошли отъ того, что представляли проявленіе сего начала въ разные моменты его дѣятельности небесной и земного вочеловѣченія. Конь Свантовита и Радегаста указываетъ на рыцарскую жизнь божества на землѣ и на воинственное его значеніе, какъ существа свѣта въ борьбѣ съ мракомъ, и на путешествіе солнца, — подобно конямъ Аполлона. Такъ свѣтопоклонники Парсы представляли себѣ Митру, который, хотя по смыслу системы Зендской былъ первымъ изъ Изедовъ, но считался обыкновенно за божество и назывался непобѣдимымъ богомъ, пробѣгающимъ вселенную съ лукомъ, мечемъ и вола-

29) Philips Deutsch. Gesch. I. 231 Grimm Rechtsaltherth. 778-779.

dlib.kiev.ua

бою, поражающимъ злыхъ духовъ — девовъ [30]). Такъ и Скантовитъ, солнце, ѣздилъ на своемъ бѣломъ конѣ день конѣ воевать съ злыми духами во время ночи, царства противнаго начала, разрушаемаго лучами свѣтила: мечь и знамена также аттрибуты этой безпрерывной брани. Лукъ въ рукѣ напоминаетъ Аполлона — солнце стрѣлка [31]). Будучи богомъ брани — символомъ борьбы свѣта съ тьмою — онъ былъ богъ свѣта нравственнаго, мудрости, высочайшаго всевѣдѣнія, общественнаго порядка и гражданственности: оттого у него испрашивали предсказаній; оттого къ нему обращались предъ начатіемъ всякаго общественнаго дѣла, и никакое вѣче, ни какой король не могъ измѣнить приговора, истекающаго отъ верховнаго свѣта. Какъ богъ солнца, онъ былъ виновникъ и податель плодородія, что показываютъ моленія къ нему объ изобиліи земныхъ плодовъ. Оттого и рогъ съ виномъ въ рукѣ у него, чему подобное можно отыскать у разныхъ народовъ. Такъ, по изысканіямъ Крейцера и Гаммера [32]), у Парсовъ употреблялся кубокъ, называемый джемшидовымъ кубкомъ міра. У Египтянъ отправляемы были гаданія съ возліяніемъ изъ кубка въ символизаціи слѣженія боговъ годичныхъ перемѣнъ [33]). У Грековъ происходили возліянія въ

30) Zend-Avest. I. B. 284–324. 2. th. Jescht-Mithr. 225. — 31) Paus. III. 18. — 32) Steierm. Zeitschr. 1821. I. h. p. 78. — Creutz. Symb. IV. 67. — 33) Symb. und Myth. III. 412. Vollm. Myth. p. 437.

dlib.kiev.ua

Самотраки изъ кубка, называвшагося солнцевымъ [34]. Кубокъ Вакха приносился также какъ символъ творенія и плодородія свѣтоносному началу [35].

И такъ, изъ всего этого мы можемъ заключить, что Свантовитъ = Радегастъ = Сварожичь = Даждь-Богъ были одно существо подъ нѣсколькими названіями и означали свѣтоносную силу въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ.

Что одно и тоже божество можетъ называться различными именами, этого нѣтъ необходимости доказывать. Въ скандинавской миѳологіи Одинъ имѣетъ до 12ти названій [36]. И такъ какъ мы знаемъ, что Славяне поклонялись свѣту подъ разными наименованіями, то это даетъ намъ поводъ искать и подъ другими миѳологическими именами тогоже понятія. Такъ, я полагаю, что Перунъ, главнѣйшее божественное существо послѣ Бога Вседержителя у Руссовъ также означалъ свѣтоносное начало; Онъ переводится Юпитеромъ и именуется богомъ грома и молніи, и по этому уже есть видоизмѣненіе понятія о свѣтѣ. Но кажется, онъ означалъ нетолько громовника, а вообще свѣтъ. Перунъ божество старинное и корень его названія отыскивается у многихъ народовъ: такъ у Литовцевъ это существо на-

34) Uschold. см. Wissensch. der Myth. v. Hanusch. p. 152. — 35) Symb. III. 411. — 36) Rauschn.

dlib.kiev.ua

зывалось Перкунось [37]) а у Готовъ Jairguns [38]), что сходно съ Зендскимъ Peiramun, означающее свѣтлое, небесное жилище [39]). Слово Перунъ на многихъ языкахъ можетъ означать огонь, по гречески Πῦρ — слово, по свидѣтельству Платона [40]), заимствованное отъ Скифовъ; по чешски pireni [41]). Огонь служилъ священною принадлежностію богослуженія Перуну. Такъ Гвагнини [42]) говоритъ, что въ Новгородѣ передъ истуканомъ Перуна горѣлъ неугасимый огонь изъ дубоваго лѣса. У Полаковъ ето самое божество называлось и Перунъ и Jessen (ясный) и почиталось дарователемъ земныхъ плодовъ [43]), въ чемъ очевидное сходство съ Свантовитомъ. Аттрибутомъ его въ Силезіи была гора Саботъ [44]), слово на дракійскомъ языкѣ означавшее восходящее солнце. И такъ, гора Саботъ значитъ гора солнца: сходно съ етимъ и Соботка — польское наименованіе всеславянскаго купальскаго праздника. Перунъ какъ и Свантовитъ, былъ богомъ войны и мира; по етому, у подножія его клали оружіе и клялись при заключеніи договоровъ [45]). Въ Богеміи же слово Ясонъ означало въ древности солнце [46]).

Все ето приводитъ насъ къ тому, что Перунъ, высочайшее божество Русскихъ и Полаковъ, есть то-

37) Dzieje Nar. Lit. t. 1. 7. — 38) Shaff. Starož. t. I. p. 51. — 39) Zend-Av. 1. B. 240. — 40) Allg. Nord. Gesch. 274. — 41) Русс. прост. праз. и суев. оор. I. 254. — 42) Kronika Wielk. Xięstwa Moskiewsk (polski przekł.) X. VII. na c. 485. — 43) Sarnic. p. 1028. — 44) De Siles. rebus C. VII. p. 112. — 45) Ист. древ. текст. 1. т. лѣт. — 46) Piesni ludu Polsk. Pauli p. 32.

dlib.kiev.ua

же, что и Свантовитъ, божество другихъ Славянъ. Има Перуна, переводимое классиками Юпитеромъ, извѣстно было и у древнихъ адріатическихъ Славянъ, ибо на аквилейскихъ надписяхъ находятся слова Jovi Sancti Beroni tonanti, а въ другой bono Deo Beroni [47], что (если только достоверны надписи) доказываетъ какъ древность поклоненія Перуну, такъ еще и значеніе его какъ бога свѣта; ибо добрымъ богомъ преимущественно называли Аполлона, бога солнца.

Въ хроникѣ саксонской описывается истуканъ, находившійся въ Любекѣ: мужчины съ вѣнцомъ на головѣ, съ продолговатыми ушами и съ краснымъ, какъ бы раскаленнымъ, желѣзомъ въ рукѣ: онъ назывался Проне [48]. Кажется, мы не ошибемся, если почтемъ его названіе однознаменательнымъ съ нашимъ Перуномъ. Желѣзо въ рукѣ значитъ ордалію — символъ суда. У Гельмольда въ трехъ мѣстахъ [49] его славянской хроники упоминается божество Проке, называемое верховнымъ божествомъ Варговъ. У него не было ни храма, ни изображенія; Славяне посвящали ему только дубъ, окруженный оградою съ переднимъ пространнымъ мѣстомъ для народа. Туда приходили люди съ жрецомъ и совершали жертвы; тамъ собирались вѣча, поставляли законы и судили тяжбы. Никто не смѣлъ входить за ограду, исключая при-

47) Слав. сборн 244. — 48) Chr. ant. sax. Chr. Slav. N. p. 126. — 49) Chron. Slav. 125, 160, 185.

dlib.kiev.ua

носящихъ жертвы и убѣгающихъ отъ смерти [30]). Прове былъ такимъ образомъ божество правосудія; и Проне былъ тоже, что показываетъ ордалія въ рукѣ его. Всѣ мидографы согласно признавали ихъ за одно существо. Я полагаю, что Проне и Прове = Первунъ = Свантовитъ и прочимъ наименованіямъ свѣтоноснаго начала. Доказательства слѣдующія: 1. Проне и Первунъ женственно одно имя, и кажется Проне есть испорченное слово Первунъ. 2. У Проне въ рукѣ красное желѣзо; у Первуна, по извѣстію Гвагнини, былъ въ рукѣ огненный камень. 3. Варяги признавали за верховное божество Свантовита, а между тѣмъ Прове называется ихъ верховнымъ божествомъ. По этому, не льзя признать его за одного изъ второстепенныхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Бога Вседержителя духовъ, а верховное божество, кромѣ Бога, женственно отдѣляемаго отъ Свантовита Гельмольдомъ, былъ свѣтъ.

Тоже значеніе имѣлъ въ Штетинѣ и Триглавѣ, котораго жизнеописатель Св. Оттона Бамбергскаго назвалъ величайшимъ божествомъ Славянъ. По разсказу Эббона, другого жизнеописателя Оттонова, онъ изображался съ тремя головами, и это означало три царства: небо, землю и преисподнюю; глаза и уста у него были завѣшены золотошкейнымъ покровомъ, для того, чтобы недопустить его видѣть и порицать

30) Chr. Slav. 185.

dlib.kiev.ua

людскихъ слабостей. Храмъ его описывается очень нарядно. Въ святилищѣ хранились серебренные и золотые сосуды, бойловые роги для питья и для трубъ, множество оружія и всякихъ запасовъ, ибо Штеттинцы отдавали туда десятую часть добычи, взятой на войнѣ, и Славянинъ обязанъ былъ принести ему подарокъ, спасшись отъ бури на морѣ, которую, по народному понятію, возбуждало его божество. Въ честь Триглава отправлялись праздники со священными играми, танцами и пирами. Близъ главнаго храма находились три зданія, называемыя конти-ны (?); тамъ идоловъ не было, а стояли амфитеатромъ лавки и столы; туда народъ сходился на вѣча и, послѣ собранія, заключалъ только о дѣлахъ отечества веселымъ пиромъ [51]. Триглавъ почитался въ разныхъ мѣстахъ Славянщины и почтеніе къ нему было столь велико, что и послѣ крещенія Славяне удерживали его изображенія въ пещерахъ [52]. Повсемѣстность его доказывается мѣстными названіями горъ напр. Терглу въ Краинѣ [53]: легко быть можетъ, что и тамъ стояли храмы Триглава, ибо и Штетинъ построенъ былъ на трехъ холмахъ [54]. Добровскій [55], Бандке [56] и Ганушъ [57] видятъ въ немъ Тримурти Индѣйцевъ, такъ что царь неба —

51) Vita Sancti Ottonis. Act. Sanctor. Jul. p. 403, 437—439. — 52) ibid. — 53) Die Wissensch. des Myth. 100. — 54) V. S. O. 436. — 55) Slav. 414. — 56) Dzieje Narodu Polsk. I. p. 116. — 57) Die Wissensch. des Myth. 102—104.

dlib.kiev.ua

онъ равенъ Брамѣ, царь земли — Вишну, царь преисподней — Шивѣ, свѣтилу разрушительному; — тѣмъ болѣе, что Триглавъ сидѣлъ, и Тримурти изображался въ сидячемъ положеніи; и у Тримурти была также закѣсъ въ видѣ треугольника на трехъ головахъ [38]). Но такъ какъ жизнеописатель Оттоновъ именуетъ его высочайшимъ богомъ Славянъ, то знаю, что такъ называли то свѣтило, которое означало свѣтъ, — и въ Триглавѣ можемъ мы искать значеніе свѣта. Намъ говорятъ, что онъ былъ Тримурти Индѣйцевъ, но Тримурти изображалъ солнечную силу въ годичныхъ перемѣнахъ. Многіе народы Востока дѣлили годъ на три части [39]). Такое дѣленіе было и у Германцевъ. Оно было и у Славянъ [60]), что показываютъ три народные праздника, соотвѣтствующіе временамъ года. Земледѣліе, старинное занятіе Славянъ, проявляется въ трехъ функціяхъ: сѣянія, собиранія и приготовленія; сообразно этому, располагаются три времени года: весна, лѣто, зима; осень исчезаетъ отъ простого взора, половина ея является съ лѣтомъ, половина съ зимою; въ жизни природы человѣкъ усматриваетъ только начало, средину и конецъ. Оттого и дѣленіе года на три части. Въ Триглавѣ можно признать свѣтоносную троичную силу, равнозначительную тремъ временамъ года: веснѣ, лѣту и зимѣ и вмѣстѣ тремъ царствамъ, какъ объясняетъ Свѣвонъ:

---

58) ibid — 59) Allgem. Univers. Gesch. v. Leo. t. I. — 60) Hanusch.

dlib.kiev.ua

небу, какъ источнику всего, а потому вмѣстѣ весне; землѣ какъ пространству, на которомъ совершается разбитіе дѣятельности свѣта, а слѣдовательно, необходимо, времени, въ которое совершается сія дѣятельность, — лѣту, а подземному міру — зимѣ жизненной. Еще увѣряетъ меня въ однозначительности Триглава съ другими наименованіями свѣта то, что аттрибуты сего божества сходны съ аттрибутами Свантовита. При храмѣ Штеттинскомъ язычники имѣли священнаго коня (только вороного); за нимъ поочереди ходили четыре жреца; никто на него не садился. Передъ начатіемъ войны, они проводили его черезъ девять копьевъ, и ежели онъ проскакивалъ не зацѣпившись, то заключали о счастливомъ окончаніи предпріятія. Кромѣ того, отправляли другія гаданія посредствомъ деревяшекъ [61]. По сказанію жизнеописателя, Триглавъ былъ богомъ войны, какъ Свантовитъ [62]. И такъ, кажется несомнѣнно изъ всего этого, что и Триглавъ означалъ свѣтоносное начало, почитаемое подъ разными именами.

Къ той же категоріи относится Бѣлбогъ. Въ исторіи каминскаго епископства [63], говорится, что Славяне признавали доброе начало, подъ именемъ Бѣлаго-Бога, противоположное злому, называемому Чернобогомъ. У Гельмольда мы находимъ извѣстіе, что Славяне при пиршествахъ обносили чашу съ бла-

61) V. S Ott. 403. — 62) ibid. 437. — 63) Script. Rer. Germanic. p. 513.

dlib.kiev.ua

гословеніями и заклятіями, вѣря, что счастіе простекаетъ отъ добраго бога, а все дурное отъ злого, называемаго на ихъ языкѣ дїаволъ или Чернобогъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Гельмольдъ говоритъ, что добрый Богъ есть Свантовитъ [64]). Въ другомъ мѣстѣ приведенной выше исторіи Каминской [65]) говорится, что Славяне отправляли пиршества и обносили чашу на праздникѣ свѣта (si quando lux festa venisset). Ясно кажется, что Бѣлбогъ и Свантовитъ одно и тоже. Поклоненіе Бѣлбогу было повсемѣстное. Въ отдаленной древности оно было извѣстно у Славянъ Адріатическихъ. Такъ на камняхъ, найденныхъ близъ Аквилеи, читаютъ: Belino divi, Belino Apollino; можно узнать здѣсь Бѣлбога; сіе имя переведено буквально по латинѣ: Belino divi [66]). У Кельтовъ существо свѣта, переводимое римскими писателями Аполлономъ, называлось также Белиномъ [67]), что показываетъ древность сего названія у сѣверныхъ народовъ. Да и самое имя Аполлона, неимѣющее въ греческомъ языкѣ корня, кажется однозначительно по корню съ Бѣлиномъ кельтскимъ и Бѣлбогомъ славянскимъ; ибо Аполлонъ занесенъ въ Грецію съ Сѣвера, почему и назывался гиперборейскимъ. Названіе Бѣлбога совпадаетъ съ русскимъ выраженіемъ бѣлый свѣтъ, и бѣлый день; оттуда бѣлый царь, ибо цвѣтомъ бѣ-

64) Chron. Slav. L. I. C. 53, p. 123. — 65) Script. Rer. Germ. p. 510. — 66) Слав. сборн 243. — 67) Allgem. Welt-Gesch. Gesch. der Celt.

dlib.kiev.ua

лымъ, цвѣтомъ видимыхъ солнечныхъ лучей, свѣтопоклонники означали все, достойное блаженïя.

Зная, что столько именъ означали одно свѣтоносное существо, можно сдѣлать нѣкоторыя догадки относительно другихъ миѳологическихъ именъ. Писатели, передавшïе намъ извѣстïя о Полабскихъ и Прибалтïйскихъ Славянахъ, упоминаютъ о Яровитѣ, Рюгïевитѣ, Поревитѣ и Перунѣ. Яровитъ или Гïеровитъ у жизнеописателя Оттонова представляется богомъ войны и называется Марсомъ. Подлѣ его кумира висѣлъ золотой щитъ; этотъ щитъ не выносили изъ капища, кромѣ важныхъ военныхъ случаевъ. Язычники имѣли такое благоговѣнïе къ этой вещи, что когда христïане хотѣли разорить идола и убить упорнаго жреца, то жрецъ, ударивъ въ щитъ, съ страшнымъ крикомъ, бросился въ толпу народа и возбудилъ такой ужасъ въ новообращенныхъ христïанахъ, что они, по старой привычкѣ, увидѣвши щитъ, попадали на землю [68]). Мы знаемъ уже, что божество свѣта, подъ всѣми своими наименованïями, было вмѣстѣ божествомъ войны. Яровитъ, будучи богомъ войны, принадлежалъ къ номинацïямъ свѣтоноснаго начала: слово яръ означаетъ и ярость, мужество и вмѣстѣ весну, молодость, свѣжесть. Не безъ основанïя можно видѣть въ Яровитѣ солнечную силу, проявляемую весною. Онъ то, что Сомъ или

68) Vit. Sancti Ott. 410.

dlib.kiev.ua

Геркулесъ у Египтянъ и Грековъ [69]). И оттого то, кажется, одинъ жизнеописатель Оттона назвалъ его Гіеровитомъ, а другой Веровитомъ, переводя слово юр на латинское Ver [70]), что легко должно было статься, ибо сіи жизнеописатели разъ замѣтили, что славянскій языкъ имѣетъ сходство съ латинскимъ и позволили себѣ производить контины отъ continere.

У Саксона Грамматика описывается въ Каренцѣ идолъ, называемый Рюгіевитъ. Онъ имѣлъ семь головъ и семь мечей, а восьмой, обнаженный, держалъ въ рукѣ. Вышиною онъ превосходилъ всякій человѣческій ростъ [71]). Онъ называется богомъ войны и поэтому однозначителенъ съ прежними. Имя Рюгіевитъ, кажется, правильнѣе будетъ прочтено Рюйевитъ (ибо ѣ приближали тамъ, гдѣ мягкія буквы у Славянъ, какъ и Гіеровитъ вмѣсто Яровитъ); оно происходитъ отъ рюйный = красный, горячій, огненный, такъ-что богъ означаетъ свѣтъ, въ кульминаціи своей дѣятельности, то, что Horos, мужественный, воинственный сынъ Озириса солнца [72]); и различіе между Яровитомъ и Рюйевитомъ будетъ такое, что первый значитъ весну, а послѣдній лѣто. Семь головъ и семь мечей означаютъ полную силу божества

69) Creutz. Symb. II. 336. — 70) V. S. O. 440. — 71) Sax. Gramm. p. 294. — 72) Symb. I. 297. ibid. II. 336.

dlib.kiev.ua

и ꙋказываютъ на свое восточное происхожденїе: семь созвѣздїй и семь главныхъ боговъ въ Египтѣ, семь Амшиспандовъ въ Зендавестѣ... наконецъ, семь тысячь дней царствовалъ Даждь-богъ на землѣ.

Близь храма Рꙋйевитова стояло капище Поревита: идолъ его былъ безорꙋженъ [73]; и поетомꙋ можно признать въ немъ значенїе, противоположное Рꙋйевитꙋ. Поревитъ былъ солнце зимнее, потерявшее разящꙋю свою силꙋ, божество мира, (Гарпократъ, сынъ Озириса ꙋ Египтянъ и Грековъ) [74], тѣмъ болѣе, что зимою отправлялся праздникъ, который справедливо, съ нѣкоторой стороны, миѳографы называли праздникомъ мира.

Подлѣ храма Поревитова стоялъ храмъ Поренꙋта. Нарꙋшевичь толкꙋетъ, что ето слово происходитъ отъ poronić [75] родить, и полагаетъ, что онъ былъ символъ раждающей силы. Ето, по моемꙋ мнѣнїю, основательно. Идолъ изображался съ четырьмя головами, а пятꙋю держалъ на грꙋди, одною рꙋкою за бородꙋ, а дрꙋгою за лобъ [76]. Ꙋ Славянъ, какъ и ꙋ дрꙋгихъ народовъ, было понятїе о ежегодномъ рожденїи солнца, — какъ выражался поворотъ на лѣто — и потомꙋ Поренꙋтъ четвероголовый, (поетомꙋ ꙋже сходный съ Свантовитомъ) кажется, изображалъ солнце въ моментъ его возвращенїя къ дѣятельности послѣ

73) Sax. Gramm. 299. — 74) Symb. 1. 296. — 75) Hist. Nar. polsk. t. 1. Mythol. Sław. — 76) Sax. ibid.

dlib.kiev.ua

зимнаго усыпленїя. Четыре головы были постоянным атрибутом солнца вообще, а пятая на груди означала рожденїе новаго солнца. — Къ тѣмъ же номинацїямъ свѣтоноснаго начала принадлежатъ имена Лада и Живаго. По сказанїю Стрыйковскаго [77], божеству Ладу праздновали весною отъ 23. Мая по 24. Іюня. Изъ всѣхъ языческихъ божественныхъ наименованїй одно только названїе Лада сохранилось теперь такъ живо въ народѣ, что рѣдкая весенняя обрядная пѣсня обойдется безъ припѣва: Ладо! Ладо! По Кромерѣ, Гваґнинѣ, Бѣльскомъ и густинской лѣтописи [78], Ладо или Ладонъ означаетъ бога всякаго наслажденїя и благополучїя: оттого ему приносили жертвы женившїеся; отъ его благословенїя зависѣло счастїе семейственное; къ нему обращались при рожденїи дитяти. Изъ пѣсень мы видимъ несомнѣнно, что Ладъ былъ божество весны и любви. Слово Ладъ очевидно славянское и означаетъ согласїе, гармонїю, красоту и любовь. Слово ладность значитъ красоту; по чешски лада:= красавица; по польски и по южнорусски ładny: прекрасный; у Русскихъ ладъ и лада значатъ мужа и жену. Но такъ-какъ Ладъ было божество любви и гармонїи, и вмѣстѣ божество весны, то, слѣдовательно, оно было божество гармонїи вселенной, любви всемїрной, символъ вседѣйствующаго, все-

77) Stryik. kronika. t. 1. — 78) Густ. лѣт. полн. собр. рус. лѣт. т. 2. 257. — Crom. 53.

оживляющаго весеннаго солнца; и праздники ему отправляли въ епоху красоты природы, во время, когда особенно действуетъ въ животныхъ половое возбужденіе. Другіе называютъ его божествомъ войны [79]; такъ коинственное значеніе свѣта было не различно со всѣми модификаціями его поклоненія.

Однозначительно съ божествомъ Лады было божество Живъ или Живый, называемое Другошемъ божествомъ жизни [80]. Въ лѣтописи Прокоша [81] разсказывается, что на горѣ Живцѣ, названной отъ имени божества, былъ построенъ храмъ, и собирался въ множествѣ народъ весною въ первыхъ дняхъ мая; тамъ молились о счастіи и благоденствіи во весь годъ. По мнѣніямъ язычниковъ, Живый былъ божество благополучія, верховный правитель вселенной (supremum universi moderatorem) и божество красоты и весны. Славяне, говоритъ также лѣтопись, думали, что божество Живый превращается весною въ кукушку, дабы посредствомъ этой птицы возвѣщать время года и долготу жизни людямъ, и потому ему особенно приносили жертвы, когда слышали въ первый разъ весною кукованіе кукушки, спрашивали: сколько лѣтъ кому жить и заключали о числѣ будущихъ годовъ по тому, сколько разъ кукукнетъ птица послѣ вопроса [82].

---

79) Hist. Polon. — 80) ibid. p 37. — 81) Chron. Slav. h. 1 p. 36. Sarm. Warsz. 1827. — 82) ibid.

dlib.kiev.ua

Ѣто весеннее поклоненїе Ладѣ и Живомѣ доказываетъ, что они — одно божество, и оба названїя относятся къ свѣтоносномѣ началѣ въ смыслѣ всеобщей любви и жизни природы. Вмѣстѣ съ этими названїями, чествовали Славяне женское существо, называемое Ладою и Живою: подобно какъ у древнихъ Пеласговъ было мужеское существо (ἀξιόκερσος) живитель, плодотворитель и женское (ἀξιόκερσα) [83]).

Въ одной старинной южнорусской сказкѣ, которая видимо относится къ глубокимъ временамъ язычества, я нашелъ слѣдующее: Ивась (такъ звали героя) получилъ приказанїе отъ пана, которому служилъ, узнать: зачѣмъ солнце перемѣняется три раза въ день. Онъ поѣхалъ черезъ той свѣтъ къ терему солнца надъ моремъ; солнца долго не было: оно ѣздило по свѣту; Ивась засталъ солнцеву мать, которая, оскѣдомившись за чѣмъ онъ пріѣхалъ, приказала ему сѣсть за желѣзное корыто. Когда солнце воротилось вечеромъ, мать спросила его: зачѣмъ оно перемѣняется въ день три раза? Ѣсть, — отвѣчало солнце, — въ морѣ прекрасная Анастасїя: когда я взойду, она на меня брызнетъ водою, — я застыжусь и покраснѣю; когда же я взойду на высоту и посмотрю на весь свѣтъ, мнѣ станетъ весело; а когда захожу, — Анастасїя опять брызнетъ на меня морскою водою, и я опять покраснѣю. Изъ этого видно,

83) Symb. und Myth. der alt. Völk. II. 294.

dlib.kiev.ua

что у Солнца была мать, да еще женщина, которая его занимала как любовница.

Мы находим у Гельмольда, что у Славян была богиня Сива или Жива [84]. У Mater verborum Вацерада мы встречаем тоже богиню, переведенною Церерою; она изображена с колосом и цветом в руках [85]. По другому изображению она представляется с младенцем на голове и виноградною ягодою или яблоком [86]. Мы знаем, что у финских народов было божество Золотая Баба с младенцем на руках [87]. Название это безсомнению не финское и божество заимствовано от Славян. Как распространено было у нас в языческия времена почитание подобнаго женскаго существа, видно из того, что во многих местах попадаются и теперь грубыя статуи и изображения женщины с младенцем. Что между Золотою Бабою и Живою есть соотношение и близкое, видно не только из того, что они обе изображаются с младенцами: других ясно указывает на единство их, говоря, что была гора, называемая Баба, а на ней град Живец [88]; а мы знаем, что Живцем называли место, где поклонялись Живе. По с Живою однозначительна и Лада, ибо весенний праздник Лады был также праздник Живы, самым названием Жива

84) Chron. Slavor. 125. — 85) Czas. czesk. Muz. 1827. 4. h. p. 70., 76. 86) Карамз. ист. госуд. росс. т. 1. 85. — 87) Gwagn. kron. polska. część 1. X. 7. — 88) Hist. Polon. 1. p. 33.

dlib.kiev.ua

и Лада выражают одно и тоже, и наконец въ пѣснях епитет Ладѣ — мать, а у Литовцев Лада называлась Золотою Панею [89], что тождественно съ Золотою Бабою. Праздник ей как у Литовцев, так и у Русских, соединялся вмѣстѣ съ торжеством солнца [90]. Вацерад называет ее Венерою. Еще Чехи звали ее Красопани, — [91] и Красына: так называется истуканъ богини, поставленный Св. Людмилою въ язычествѣ [92]. По моему мнѣнію, она символизовала природу, жизненное начало, была мать солнца въ его воплощеніи, богиня любви, гармоніи, краса, веселія, красоты и всякаго благополучія, мать — питательница міра, подательница благ. Ее то въ Чехіи называет волшебница Церерою, матерью Марса [93], между тѣм как Церера классическая не была матерью Марса. Младенец на голов означал воплощенный свѣт, а яблоко въ рукѣ едвали не то яйцо, которое снесла Латона и изъ которою образовались Аполлон и Діана, и вмѣстѣ то яйцо, начало всѣх вещей, которое почитали Индійцы. — Это женское символическое существо находится во всѣх почти миѳологіях, и подъ разными наименованіями въ каждой: — Лада была тоже, что у Индійцев Бгабани, первоначальная воспринимающая зародыш творенія женственная сила [94], и Лакшими,

89) Dz. Nar. Lit. t. 1. nac. 40. — 90) ibid. p. 303. — 91) Gesch. der Böhm. v. Palacky. 179. — 92) Kron. czeska 1541. p. 61. — 93) Kron. czesk. 53. — 94) Symb. 11. 124.

dlib.kiev.ua

которую почитали подъ изображеніемъ женщины съ младенцемъ на Коромандельскомъ берегу [95]: а этотъ младенецъ былъ воплощенный свѣтъ. У Египтянъ она была Изида; — у Фригійцевъ а послѣ у Римлянъ матерь Цибела [96]: ей тамъ отправляли весною празденство Megalesia [97]; она почиталась долго въ Римѣ подъ видомъ женщины съ ребенкомъ, означавшимъ воплощенное божество: впослѣдствіи хотѣли видѣть въ этомъ изображеніи прообразованіе Спасителя; — у Ассиріянъ она была Милитта, возбуждающая и плодотворящая твореніе матерь [99]; — у Грековъ, у которыхъ разсыпалось болѣе прочихъ народовъ на индивидуалы свѣтопоклоненіе, ее можно видѣть и въ Герѣ, матери боговъ, и въ Аѳродитѣ, любовной силѣ, и въ Минервѣ Сансской, родительницѣ солнца [100] и особенно въ матери свѣта - Аполлона, Латонѣ, которой даже названіе звучитъ сходно съ нашею богинею; Греки полагали ее изъ темнаго гиперборейскаго сѣвера и первоначально чествовали подъ именемъ Илитіи въ Ефесѣ, въ изображеніи матери вселенной, первой родильницы [101]; — у Пруссовъ она называлась Жизда, т. е. перенятая отъ Славянъ, съ которыми Прусы были въ тѣсномъ религіозномъ сношеніи, Жива; — у Скандинавовъ она была Фригія, заимствованная также отъ Славянъ, ибо называлась вандальскою: иллиріи-

95) Zend-Av. 1. B. 1. th. 176. — 96) Symb. IV. 44. — 97) Liv. XXIX. — 98) Tertul. apolog. — 99) Paus. p. 27. — 100) Symb. IV. 2. 43. — 101) ibid. 21. 117.

dlib.kiev.ua

ские Славяне чествовали Лада подъ именемъ Доброй Фригіи [102]). Какъ распространено было у Славянъ поклоненіе Ладѣ, видно изъ того, что во первыхъ, у всѣхъ совершенно славянскихъ народовъ, имя ее осталось въ пѣсняхъ, и во вторыхъ, множество урочищъ напоминаютъ ее. У Длугоша она же Венера — Дзидзилія [103]) и толкуется богинею дѣторожденія, ибо къ ней обращались родильницы; у Стриковскаго Зизилія, къ которой молились о любви и плодородіи, также переводится Венерою. Я полагаю, что она была и то, что у насъ называется мать-земля; и ей-то поклонялись сѣверные германскіе народы (подъ которыми, вѣроятно, надобно разумѣть и часть Славянъ) подъ именемъ Герты, (die Erde) однозначительной съ mater tellus у Римлянъ. [104]) Какъ Латона была матерью мужескаго и женскаго существъ: Аполлона и Діаны, такъ и Лада славянская матерь Леля и Лели (Лилитъ, Палиліи классической миѳологіи). Хотя сіи имена встрѣчаются особенно въ литовской миѳологіи, но нѣтъ сомнѣнія, что они были у Славянъ; ибо о нихъ упоминаютъ историки [105]), и въ нашихъ пѣсняхъ существуетъ припѣвъ: Лелю — Ладо. Лелисъ по литовски значитъ — свѣтлый; но тоже оно означаетъ и по славянски: тому доказательство глаголъ лелѣть въ малоросс. и простонародномъ рѳсскомъ языкѣ,

102) Карамз. т. 1. 88. — 103) Hist. Polon. p. 36. — 104) Tac. Germ. — 105) Krom. 56. Stryik. kron. polska p. 46.

dlib.kiev.ua

означающїй: блистать, сверкать. Єти два близнеца служили особеннымъ предметомъ поклоненїя народовъ въ Лигїи, гдѣ, по сказанїю Тацита, жрецъ, приносившїй имъ жертву, одѣвался въ мужеское и женское платье разомъ [106]: подобное осталось въ великорусскихъ простонародныхъ играхъ, и доказываетъ, что єти два существа: одно мужеское, другое женское, — по высшему внутреннему разумѣнїю, — были одно. Такъ у Индїйцевъ воплощенный мїръ представлялся въ образѣ двуполаго божества [107]. Такъ и у Грековъ Дїонисїй, воплощенное солнце, изображалось въ видѣ двуполомъ (ἀρσενόθηλος) [108]. Такое же почитанїе свѣтоноснаго существа было и у Єгиптянъ, какъ єто доказывается ихъ религїозными церемонїями [109]. — Єто двуполое существо выражало: природу первоначальную, — когда она еще не выказалась въ противоположностяхъ, — и природу окончательную, абсолютную, результатъ процесса мїровой жизни.

Существо двуполое — двутѣлецъ по славянски — [110] скоро явилось въ образѣ отдѣльныхъ существъ мужескаго и женскаго. Мужеское есть воплощенный свѣтъ: Свантовитъ = Кришна — Вишна — Созїашъ = Озирисъ = Аполлонъ = Дїонисїй = Атисъ; женское — вода. — Во всѣхъ религїяхъ вода изображаетъ страдательную первоначальную матерїю женственнаго существа, изъ кото-

106) Germ. — 107) Symb. III. 444. — 108) ibid. 200. — 109) ibid. 445. — 110) Mat. verb. 4.

dlib.kiev.ua

рой посредствомъ плодотворнаго прикосновенія существа мужескаго произошли всѣ вещи. Въ Индіи это существо есть Сакти; само по себѣ вездушное и холодное, оно изображается въ видѣ влаги; оттого и священная рѣка Гангесъ носитъ названіе Сакти. Оно воспринимаетъ отъ мужескаго существа — огня, Шивы, и производитъ жизнь. По зендскому понятію Церване-Акерене создалъ словомъ своимъ (Гономеръ) — первообразъ матеріи, праормузда, въ которомъ соединялись начала свѣта и воды и образовалось твореніе сперва черезъ раздѣленіе, а потомъ чрезъ взаимность противоположностей. [111]) У Семитическихъ Народовъ вода представлялась женскимъ страдательнымъ основнымъ элементомъ твореній. [112]) Въ Египтѣ вода считалась страдательно — женскимъ существомъ и символизовалась въ видѣ Изиды, пробужденной къ плодородію огне — свѣтомъ. [113]) Въ Греціи океанъ былъ въ началѣ всѣхъ вещей, и по ученію орфеевъ изъ воды образовалось твореніе, когда она возбуждена была закономъ божественнымъ въ видѣ змѣи, называемымъ Гераклесъ т. е. Геркулесъ: оно означало свѣтоносную силу. [114]) Такое же понятіе находится и въ библейскомъ ученіи; прежде всего создана вода и пребываетъ невидима и неустроена, пока Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и тогда началось оживленіе и плодородіе без-

111) Kleuk. Kurze Darstell. des Lehrbegr. d. alt. Pers. 8. — 112) Creutz. Symb. t. I. 377. — 113) ibid. t. II. 157., Щ., 324. — 114) ibid. III., 314., 321.

dlib.kiev.ua

движной, холодной, женской матеріи. По скандинавскомъ понятію, твореніе возникло изъ противоположностей свѣта или огня, и воды, или холода. [115]) Славянская космогонія не оставила намъ послѣдовательнаго ученія, однако есть слѣды того же понятія, напр. въ слѣдующей червонорусской пѣснѣ:

Колись-то было съ початку свѣта,
Тодѣ не было неба ни земли,
Неба ни земли — ними сине море,

И потомъ описывается, какъ слетаютъ два голубка — символы двуполой творческой силы, любви — и производятъ твореніе, добывая изъ бездны элементы онаго. + Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человѣку поводомъ видѣть въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣта, вездвижная вода наполняетъ пространство въ видѣ снѣга, льда, мертвой массы; но когда свѣтъ и теплота пробуждаютъ ее, она расходится и, подъ вліяніемъ свѣта, раждаетъ и питаетъ годовой міръ. И на этомъ-то внутреннемъ основаніи Славяне — свѣтопоклонники почитали воду. Еще Страбонъ говоритъ о жителяхъ Югозападной Россіи, что они покланяются рѣкамъ и источникамъ, и одна рѣка называется у нихъ именемъ божества Βογαινον [116]). Прокопій Кесарійскій говоритъ, что Славяне признавали Единаго Бога, но покланялись рѣкамъ и источникамъ [117]).

---

115) Rauschn. 375. — 116) Strabo. VII. 5. — 117) De bel. Goth.

dlib.kiev.ua

У Славянъ Прибалтійскихъ были освященные источники, куда ходили для поклоненія; такой источникъ находился на островѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу. Въ Штетинѣ былъ источникъ, куда стекались на поклоненіе. Въ другихъ мѣстахъ Западной Славянщины были подобные источники, куда не позволялось подходить иновѣрцу [118]. Дитмаръ говоритъ объ озерѣ Гломази, которое со страхомъ было почитаемо сосѣдними Славянами [119]. Тотъ же писатель говоритъ, что Поморяне чтили море, и миссіонеръ христіанства Рейнбернъ, для осквященія стихіи, осквернённой демонскимъ служеніемъ, повергнулъ туда четыре камня, намазанные освященнымъ елеемъ [120]. Козма Пражскій говоритъ о Чехахъ, что они въ язычествѣ поклонялись источникамъ и рѣкамъ и приносили имъ жертвы [121]. Поляки въ язычествѣ, какъ видно изъ многаго, имѣли священныя воды и это доказываютъ многіе суевѣрные обряды въ народѣ. У Русскихъ Славянъ выказывается живое водопоклоненіе. Въ житіи князя Константина Муромскаго [122], говорится, что язычники русскіе приносили требы о зерамъ и рѣкамъ, привѣгали къ водѣ въ немощахъ и повергали въ колодези деньги. При переводѣ Григорія Богослова въ XI. вѣкѣ, переводчикъ счелъ нужнымъ прибавить отъ себя: случается, что иной при-

118) Helm. L. I. c. 1. — 119) Chron. L. I. p. 1. — 120) ibid. 228. L. VII. — 121) Cosmas. III. 197. — 122) Карамз. т. I. пр. 214. стр. 350.

dlib.kiev.ua

носитъ требу на студенцѣ, ища дождя и забывая, что дождь идетъ съ неба, а другой наричаетъ рѣку богомъ [123]). Въ церковномъ уставѣ князя Владимира запрещается молиться у воды [124]). Купанье у насъ считается существенною частію многихъ свѣтерныхъ обрядовъ и народныхъ празднествъ. Въ русскихъ пѣсняхъ вода всегда играетъ важную роль какъ любимый предметъ поезіи. И такъ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Славяне въ язычествѣ поклонялись водѣ.—Это непремѣнно и должно было быть, ибо во всѣхъ религіяхъ, гдѣ есть идея свѣтопоклоненія, уважалась также вода, какъ второе существо священное. Послѣдователи Зороастра поклонялись водѣ, признавали ее священнѣйшею матеріею послѣ свѣта, живымъ сокомъ природы [125]), совершали священнымъ омовеніи, употребляли при жертвоприношеніяхъ [126]) и возсылали къ ней каноническія моленія [127]). Индійцы кланялись водѣ и особенно священному Гангесу до изувѣрства. Египтяне чествовали воду подъ символомъ Изиды, и считали ее за жизненное начало; оттого сосуды холодной воды символизовали воскресающую силу Озириса, животворную для мертвыхъ [128]). Греки имѣли нѣсколько священныхъ источниковъ, признавали въ морѣ чудодѣйственную силу избавлять

123) Русс. прост. праздн. 1. 23. — 124) Карамз. т. I. пр. 506. стр. 483. — 125) Kleuk. 56. — 126) Der Parser Bürgerl. und Gottendienstl. Gebräuche 209. — 127) Zend-Av. Jescht-Avan. 195—199. — 128) Creutz. Symb. I. 347.

dlib.kiev.ua

человѣка отъ всякаго зла [129]), употребляли священное очищеніе [130]), считали освященіе воды важнѣйшимъ актомъ при таинствахъ [131] и отгадывали по водѣ будущее [132]. Изъ воды родилась Аѳродита, всеобщая любовь, гармонія. Водное начало символизовала Діана [133]). Ей полагаю, не будетъ натянуто, ежели мы въ Анастасіи, плещущей на солнце, въ сказкѣ, будемъ видѣть олицетвореніе воды, супруги свѣта—солнца. Брачное соединеніе свѣта съ водою было первообразомъ творенія, любви во вселенной, жизни въ природы и полового соединенія тварей. Конечно, имя Анастасіи не относится къ древности, но собственное имя этого миѳологическаго существа было не одно; какъ и имя солнца-бога. Оно, однако, осталось намъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ, какъ напр. въ Моранѣ т. е. Моржѣ или морской. На праздникѣ Купала дѣлаютъ чучело, называемое Морена, перескакиваютъ съ нимъ черезъ огонь и топятъ въ водѣ: это, по моему мнѣнію, означаетъ бракосочетаніе свѣта съ водою. Сходное съ этимъ названіемъ есть Маржана, у Длугоша; чучело, называемое такъ, топили въ Полыпѣ весною: обрядъ общеславянскій; до сихъ поръ онъ существуетъ по русскимъ селамъ. Въ краледворской рукописи Морена изображается богинею смерти, низводитъ въ чорную ночь души убитыхъ,

129) ibid. — III. 334. — 130) ibid. — 131) ibid. 436. — 132) ibid. I. 195. 133) ibid. II. 170.

dlib.kiev.ua

а у Длугоша Маржана названа Церерою. Она была и то и другое; ибо вода по существу своему заключает начало жизни и начало смерти и разрушенiя, есть существо оживляющее и убивающее; само по себе холодное и темное, оно призывается къ жизни и плодородiю только огне свѣтомъ. Такъ Дiана или Артемида — божество доброе, свѣтлое, прекрасное, — а вмѣстѣ она же Геката — существо мрачное, убивающее, черное, смертоносное. Слово мара: привидѣнiе имѣетъ единство съ названiемъ Маржаны, воды въ вредномъ моментѣ ея кытiя, и означаетъ несуществующее, кажущееся, образъ безъ существа, противоположное мiру, оживленному свѣтомъ, въ движенiи и дѣятельности. Въ Крынѣ существо водное называется и теперь мидическими именами Боданъ и Моранъ [134]). Мокошь у Нестора, по моему мнѣнiю, также означаетъ водное женское существо; окончанiе ошь есть женскаго рода, какъ кокошь, а корень слова Мокъ (мокнуть, смокнуть). Такъ думаетъ Колларъ. По Вацераду, море почиталось у Славянъ божествомъ, называемымъ Хлипа. Но важнѣйшею изъ номинацiй женско-воднаго существа у Славянъ была Дѣвонiя, Дѣванна и Дана. Она происходитъ отъ корня, сохранившагося въ языкахъ кельтскихъ, гдѣ Дикона значитъ рѣка, и вода; но этотъ корень не чуждъ и славянскимъ народамъ, какъ это показываютъ названiя рѣкъ: Двина, Дунай,

134) Die Wissensch. des Myth. 292.

dlib.kiev.ua

Донъ, Днѣпръ (Данаприсъ Дана - стрисъ), и обыкновенный припѣвъ въ пѣснѣхъ обрядныхъ: дана, дана. Какъ вода, начало вещей, вѣчно - прекраснаѧ, вѣчно свѣжаѧ, она была дѣва и вмѣстѣ жена, т. е. свѣтла солнца. Такъ Длугошъ описываетъ ее [135]. Въ Богеміи и Польшѣ ее называли Дѣвоніею или Дзѣванною, въ Прибалтійской Славянщинѣ Дѣвою и храмъ ея былъ въ городѣ, названномъ Дѣвинъ — градъ, переименованный Нѣмцами въ Магдебургъ [136]), въ Венгріи былъ такойже Дѣвинъ градъ, наименованный отъ богини [137], и насъ она, вѣроятно, кромѣ Мокошь, имѣла еще названіе Дана, и просто Дѣва, какъ это показываютъ нѣкоторыя урочища и названія водъ напр. дѣвьи горы, дѣвичье поле, рѣка дѣвица. Она была совершенно тождественна съ греческою Діаною или Артемидою. Ефесскаѧ Діана представляла первоначально существо воды и была поэтому равнозначительна Издѣ, принимаемой въ смыслѣ стихіи [138]). Значеніе Діаны въ смыслѣ луны произошло больше отъ вліянія, какое, полагали, имѣетъ луна на воду: и Славянъ этого значенія она можетъ быть и не имѣла, ибо луна = мѣсяцъ изображается у насъ мущиною. Но наша Дѣвоніа, какъ Маржанна, тождественна съ Гекатою — сѣровою, темною богинею тьмы, холода и небытія. Какъ богиня земная, звѣроловица, греческаѧ богиня имѣетъ съ на-

135) Hist. Polon. p. 36. — 136) Cranz. Hist. eccles, p. 4. — 137) Bel. not. Hung. II. p. 252. — 138) Symb. II. 170.

dlib.kiev.ua

шею также единство: ибо Длугошъ и Вацерадъ прямо переводятъ ее Діаною. По свидѣтельству Гримма [139], въ Лужицахъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье о прекрасной дѣвицѣ, которая съ собаками блуждаетъ по лѣсамъ, и пугаетъ звѣрей, особенно въ лунныя ночи. Охотники боятся зайти въ чащу и въ полдень, что бы не увидѣть дѣвицу. Такое точно повѣрье мнѣ удалось слышать и въ Россіи; объ этой дѣвицѣ разсказываютъ разные анекдоты, напр. одинъ разъ косари ужинали, вдругъ набѣжала на нихъ дѣвица съ собаками, перескочила черезъ огонь, гдѣ варилось кушанье, и перепугала людей и животныхъ.

Такимъ образомъ, миѳъ о Діанѣ выразился полно у Славянъ; дѣва и жена у Славянъ, Діана тоже и у Грековъ, ибо подъ Діаною разумѣли не только дѣву Артемиду, но и Артемидъ — матерь, произведшую на свѣтъ любовь [140]. Или лучше сказать, Греки и Римляне почитали Діану въ столь различныхъ миѳическихъ исторіяхъ, что образовалось понятіе о нѣсколькихъ Діанахъ [141]. Первоначальная Ефесская Діана или Артемида изображала воду, какъ производительное начало творенія, — почиталась какъ дѣва и вмѣстѣ всеобщая матерь [142]: эта богиня заимствована Греками изъ Скиѳіи, вмѣстѣ съ Аполлономъ и Латоною или Илитіею изъ страны Гипербореевъ, и уже въ по

139) Deutsch. Mytholog. p. 706. — 140) De Nat. Deor. III. 23. — 141) Funke Lexic. II. 117. — 142) Symb. II. 117.

dlib.kiev.ua

слѣдствіи греческая поэзія запутала и оразнообразила простой миѳъ сѣвера. И такъ вотъ отъ чего такая близость къ нашимъ славянскимъ понятіямъ! Я не стану на этомъ основывать, чтобъ Греки заимствовали его отъ Славянъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что слова: Илитія, Латона, Аполлонъ, и Діана, также созвучны съ нашими: Лада, Бѣлый богъ, Лель, Дѣвана, сколько сходна исторія этихъ миѳологическихъ существъ у Славянъ съ греческою, коль скоро мы, отсѣкая все, выдуманное и прибавленное вѣками, будемъ искать первоначальнаго ея образа. Такъ преданіе объ Амазонкахъ, помѣщаемыхъ фантазіею Грековъ у береговъ Меотиды и у подножія Кавказа, родины Діаны, преданіе, связанное съ исторіею этой богини [143], выразилось въ поэтическо-краснословномъ разсказѣ о войнѣ дѣвицъ съ мужчинами, сохраненномъ въ чешскихъ хроникахъ [144]. — И такъ, изъ такого хаоса наименованій, подъ которыми разумѣли обыкновенно нѣсколькихъ отдѣльныхъ боговъ, съ прибавкою вымышленныхъ, о именахъ которыхъ Славяне язычники не слыхивали, выходитъ, что Славяне признавали единаго Бога-Вседержителя, Творца и Отца твореній, который своею премудрою всетворною любовію — Ладою создалъ первоначально бытіе. Это бытіе заключало въ себѣ противоположность мужеской и женской природы: первая выразилась съ-

143) Symb. II. 112 161. — 144) Cosmas p. 21. — Kron. czeska 29.

dlib.kiev.ua

томъ, дꙋхомъ, вторая — матерїею, водною жидкостїю: чрезъ гармоническое соединенїе етихъ сꙋществъ образовалось невидимое и видимое. Ето вѣрованїе выразилось въ миѳѣ о двꙋхъ пеласгическихъ Кабирахъ [145]. Свѣтъ-Дꙋхъ, истекающїй отъ Бога, есть образъ высочайшаго сꙋщества, сынъ божества и потомꙋ достоинъ поклоненїя. А такъ-какъ ето сꙋщество выказываетъ свое творчество, свою мꙋдрость въ мїроправленїи, воспринятꙋю отъ Бога, въ разнообразїи явленїй мїра дꙋховнаго и физическаго, то и поклоненїе емꙋ было подъ разными видами. Свантовитъ, Радегастъ, Триглавъ, Сварожичь, Ꙗровитъ, Рꙋйевитъ, Поревитъ, Поренꙋтъ, Перꙋнъ, Ꙗсный, Живый, Ладъ, Лель, Даждь-Богъ, Бѣлъ-богъ, Хорсъ, Прове — все ето не болѣе какъ наименованїя одного и тогоже сꙋщества свѣтоносно — дꙋховнаго, сына божїя. Не смотря на различїя въ изображенїяхъ, сопряженныхъ съ названїями, отличїя которыхъ означаютъ только разныя стороны явленїя сꙋщества, славянская миѳологїя еще не впала въ политеизмъ; каждое наименованїе божества не соединялось исключительно съ однимъ какимъ — нибꙋдь его качествомъ, такъ чтобъ не касалось дрꙋгого; напротивъ каждое вполнѣ выражало все, что божествꙋ приписывалось. Всѣ ети такъ называемые боги значили одно и тоже; ко всякомꙋ прибѣгали съ моленїями о счастїи; ꙋ всякаго искали отвѣта небесной мꙋ-

145) Symb. II. 306.

дрости; предъ всякими совершались гаданія, и приносились одинакія жертвы; всякій былъ покровителемъ плодородія, общественнаго и семейнаго счастья и войны; оттого, всякій у писателей, незнавшихъ смысла религіи, но попадавшихъ кстати на удадъ, былъ божествомъ высочайшимъ, главнѣйшимъ, въ то время, когда сіи же сами писатели сознаются, что Славяне признавали единаго Бога.

Противоположное этому существу свѣтлому, животворному, доброму, было мрачное, смертоносное, злобное, которое, по сказанію Гельмольда, называлось Чернобогомъ [146], откуда происходитъ названіе чорта. Въ Mater verborum Вацерада онъ названъ врагъ. Гельмольдъ говоритъ, что онъ называлсяъ еще по славянски дьяволъ [147]. Дѣйствительно, у Славянъ было существо злое, называвшееся Дикъ, имя столь созвучное съ Дивами зендскаго ученія. Такъ въ Словѣ о Полку Игоря говорится: дивъ кличетъ верху древа и тѣмъ выражается предвѣщаніе опасности, а въ другомъ мѣстѣ наведеніе Половцевъ и бѣдствіе, постигшее южную Русь, выражено: дивъ вержеся на землю. Нигдѣ не сказано явно, было ли это существо начало зла, или падшій ангелъ; но, не видя никакихъ слѣдовъ дуализма въ славянскихъ понятіяхъ, не находя его вообще на сѣверѣ, сомнѣваясь въ существованіи его и въ Персіи, и полагаясь на то, что Славяне

146) Chron. Slavor. 125. — 147) ibid.

dlib.kiev.ua

признавали единый верховный источникъ жизни, заключаю, что чортъ славянскій былъ такой же сократившійся ангелъ, какъ и Локи Скандинавовъ. На истуканѣ, найденномъ Колларомъ въ Камбергѣ, онъ представленъ, по толкованію ученыхъ, львомъ (хотя странно, почему левъ могъ быть извѣстенъ Славянамъ: можетъ быть это собака, а не левъ). Народная фантазія представляетъ его въ видѣ змѣи. Такъ какъ въ сказкахъ носящихъ нравственный отпечатокъ древности, злое начало преимущественно является въ видѣ змѣи, то, вѣроятно, змѣиный образъ былъ издревле символомъ злого существа. Этотъ змѣй представляется въ народной фантазіи темнымъ но испускающимъ искры: — вѣроятно, у Славянъ было — понятіе о двухъ огняхъ: одинъ былъ животворный, неразлучный со свѣтомъ; другой разрушающій, порожденный изъ тмы. Можетъ быть этотъ-то разрушающій огонь символизовался въ капищѣ Нїи въ Гнѣзнѣ, какъ говоритъ Длугошъ, называя этого Нїи Плутономъ.

Съ этимъ виновникомъ зла борется начало свѣта, истины и добра, и въ такомъ боренїи проявляется жизнь въ природѣ физической и нравственной. Въ природѣ физической борьба выражается противоположностїю жизни и смерти существъ и противоположностїю годичныхъ временъ: лѣта и зимы. Природа растетъ, цвѣтетъ и оплодотворяется — это царство Свантовита; природа мерзнетъ, явленїя погибаютъ:

dlib.kiev.ua

ето власть противнаго начала. Свѣтъ и теплота представляются въ борьбѣ съ тьмою и холодомъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: добро въ человѣческомъ мірѣ борется со зломъ. Божество свѣта духовнаго, истины и блага, является между родомъ человѣческимъ, принимаетъ человѣческій образъ, научаетъ смертный родъ истинѣ, борется со врагомъ, недопускающимъ человѣка къ блаженству, побѣждается, а наконецъ возстаетъ и торжествуетъ. Такой принципъ составляетъ душу почти всѣхъ вѣрованій человѣческихъ. — Въ Зенд-Авестѣ начало свѣта, Ормузда, борется съ Ариманомъ, идеаломъ тьмы и зла, побѣждаетъ его, употребляетъ мирныя средства къ его обращенію, но Аримана упорствуетъ; Ормузда заключаетъ его въ тюрьму, — Ариманъ освобождается, искушаетъ человѣка, одолѣваетъ Ормузда; начинается попеременное царство добра и зла; наконецъ, приходитъ Созіошъ, сынъ дѣвы, воплощенное духовно-свѣтоносное существо, побѣждаетъ Аримана, воскрешаетъ мертвыхъ, творитъ новое небо и новую землю, судитъ міръ и воцаряетъ торжество добра и истины на вѣки [149]). — Въ индійскомъ ученіи богъ-Вишну, символъ свѣта, воплощается на землѣ нѣсколько разъ и послѣднее воплощеніе будетъ вѣчное торжество. Въ египетской миѳологіи Озирисъ, высочайшій свѣтъ, первообразъ годичныхъ перемѣнъ и человѣческой му-

148) Kleuk. 1—23. Rauschn. 29. — 149) Bun. Gegesch. 19. 30. 31. 34. 113.

dlib.kiev.ua

дрости, приходитъ въ видѣ человѣка на землю, оказываетъ роду человѣческому благодѣянія, потомъ, передъ возвратомъ на небо, убитъ Тифономъ, одпадшимъ отъ добра своимъ братомъ, погребенъ, а потомъ возвращается къ жизни [150]: онъ остается въ почитаніи народа, какъ воплощенное, страдавшее и торжествующее божество [151]. Египтяне праздновали это событіе ежегодно весною съ большимъ торжествомъ: оно начиналось плачемъ и оканчивалось радостію [152], исторія выражала обрѣтеніе Изидою Озириса; при этомъ драмматически представлялось убіеніе и погребеніе божества [153]. Тоже понятіе выразилось и въ мидическои исторіи Сома — Гераклеса, который сожженъ пламенемъ и возвратился въ небесное жилище [154], — у Грековъ, у которыхъ смѣшались и переобразились разнородныя вѣрованія всѣхъ частей свѣта, эта идея о воплощеніи, страданіи, и торжествѣ свѣтоноснаго существа выразилась въ нѣсколькихъ лицахъ. Униженное странствованіе на землѣ высшаго лица изображается въ исторіи Аполлона, который, для очищенія, пасетъ стада, а потомъ возвращается въ свѣтлое жилище [155]. Эта идея представляется полнѣе въ мидѣ Діонисіи [156], воплощеннаго солнца, духи міра, освободителя, просвѣтителя и утѣшителя рода смертныхъ, плодотворнаго духа, героя добра и свѣта, —

150) Rausch. 46. Symb. III. 358. I. 283. 238. 346. — 151) ibid. I. 297. — 152) ibid. I. 248. — 153) Русс. прост. праздн. 4. — 154) Symb. II. 236. — 155) Funke Lex. I. 260. — 156) Symb. III. 100. 513.

dlib.kiev.ua

онъ странствуѧ на землѣ, научалъ людей, побѣждалъ зло, и былъ убитъ, а потомъ содѣлалсѧ правителемъ мїра. Его окончательное торжество выражалось различно въ миѳологїи: по однимъ символамъ его найденныѧ дѣтородныѧ части остаютсѧ какъ бы залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ [157]; по другимъ, онъ, подъ именемъ Загревса, былъ умерщвленъ Титанами, но Минерва принесла еще теплое сердце къ Зевсу и тотъ возсоздалъ изъ него новаго Дїонисїѧ [158]. Тотъ же миѳъ заключаетсѧ и въ исторїи Гераклеса, который странствуетъ по землѣ съ чудеснымъ геройствомъ, снисходитъ въ адъ, убитъ, а потомъ принѧтъ въ рѧдъ боговъ на небо, гдѣ сочетаваетсѧ съ вѣчно-прекрасною Гебою [159] и прообразуетъ въ природѣ солнечный годъ [160]. — Но ѧснѣе всего ета идеѧ выразилась у Грековъ и на Востокѣ въ почитанїи Адониса, который, по толкованїю Макробїѧ, означалъ солнце у восточныхъ народовъ [161]. Праздникъ Адониса торжествовали Греки весною два дни: въ первый день носили изображенїе Адониса, пѣли унылыѧ пѣсни, играли печально на флейтахъ и приносили погребальную жертву: катедра [162]. Въ Александрїи тогда дѣлали подобїе мертваго человѣка, несли на носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. [163]. Тоже праздновалось у Финикїѧнъ, о чемъ говоритъ

157) ibid. II. 303. — 158) ibid. III. 352. — 159) Funke Lex. II. 836. — 160) Symb. IV. 26. — 161) Macrob. I. c. 21.—162) Funke. adonia. T. I. 40. — 163) Symb. II. 95.

dlib.kiev.ua

пророкъ Іезекіиль упоминаетъ о женщинахъ, плачущихъ по Ѳаммузѣ [164]. Это празднество совершалось въ Библосѣ, Антіохіи, Вавилонѣ и, наконецъ, въ Персіи, гдѣ Адонисъ назывался Аѳобасъ [165]. Вездѣ оно раздѣлялось на двѣ половины: въ первой плакали и погребали Адониса; вторая называлась торжествомъ воскресенія или обрѣтенія Адониса и сопровождалась шумно-веселыми восклицаніями и оргіями. Адонисъ знаменовалъ солнце. Его смерть означала зиму, которая изображалась въ образѣ вепря, поразившаго Адониса; его воскресеніе—весну [166]. — У Римлянъ весною праздновали такимъ же образомъ смерть и погребеніе Аттиса, а потомъ возвращеніе его къ жизни [167]. У Скандинавовъ этотъ миѳъ выразился въ поэтической исторіи Бальдура. Бальдуръ—символъ солнца, Аполлонъ сѣверный, сынъ Фригіи, былъ непобѣдимъ, прекраснѣе всѣхъ боговъ, и всѣхъ страшнѣе для злого Локи. Локи, однако, хитростію нашелъ способъ убить его. Всѣ боги жалѣли о Бальдурѣ и послали къ подземной Гелѣ просить его возвращенія. Гела отвѣчала, что это можетъ быть только тогда, когда всѣ тварь объ немъ заплачетъ. Дѣйствительно, всѣ существа заплакали о Бальдурѣ, но Локи превратился въ старуху и ни за что не хотѣлъ пожалѣть объ немъ [168]. Отъ этого, Бальдуръ остал-

164) Symb. VIII. 14. — 165) Funke ibid. — 166) Symb. II. 101. — 167) ibid. IV. 31—32. — 168) Rauschn. 387.

dlib.kiev.ua

ся въ подземномъ мірѣ; но, при концѣ міра, онъ воскреснетъ, поразитъ Локи и возродитъ новую землю; тогда настанетъ торжество правды [169]). У Славянъ существовало такое же понятіе.—И теперь,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при началѣ весны, въ другихъ въ Іюнѣ (точно такъ и Адониса праздновали то въ Мартѣ, то въ Іюнѣ),—выражается въ народныхъ обрядахъ уже неясное вѣрованіе. Дѣлаютъ чучело, называемое въ Украинѣ насмѣшливо Костробонькомъ, кладутъ на землѣ, поютъ надъ нимъ печальныя пѣсни, потомъ погребаютъ, и всегда кончаютъ обрядъ веселыми пѣснями и шумною радостью. Въ иныхъ мѣстахъ это чучело, послѣ обряда, несутъ съ торжествомъ, убитое цвѣтами и лентами, и топятъ въ водѣ, какъ топили чучело Адониса въ Александріи, по свидѣтельству Теокрита [170]); это означаетъ окончательное торжество: бракосочетаніе свѣта съ водою.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ—лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣяніе, страданіе и торжество. Эта идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Аттисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ, и въ нашемъ

169) Dahlm. Gesch. v. Dan. I. 35. — 170) Theocr. XV.

языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ. Гельмольдъ [171] говоритъ, что Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Вѣрно Славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь какъ существа имѣетъ божественнаго и человѣческаго, ибо Саксонъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами. Мы навѣрное знаемъ, что, по понятію языческихъ Славянъ, богъ могъ являться людямъ [172] въ человѣческомъ образѣ, въ бѣлой свѣтоносной одеждѣ, символомъ которой было священное облаченіе жрецовъ при богослуженіи. Къ этому же понятію о временномъ побѣжденіи свѣта тьмою и о послѣдующемъ его торжествѣ относится повѣрье о снѣденіи солнца: наши предки, еще неосвободившіеся отъ предразсудковъ, думали, что змѣй съѣдаетъ солнце, а потомъ, оно опять воскресаетъ и побѣждаетъ врага: такъ толковали затмѣніе невѣгласы, какъ называютъ наши народа недовольные лѣтописцы.

Эта идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины нашего Св. Писанія. Это была идея, вложенная Творцемъ въ родъ человѣческій:

171) Chron. Slav. — 172) Vita S. Ott. 408.

dlib.kiev.ua

человѣкъ какую бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ прожить въ ней то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи Божества было бы столь же трудно, какъ истребить вѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать подложность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народовъ, неразъ уже указывали и на Созіаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообразы Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только большимъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что хотятъ ниспровергнуть. Во всѣхъ миѳологіяхъ, какъ бы они ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрываются истины, въ глубочайшей древности дѣтства человѣчества открытыя свыше. Хотя Евреи сохранили ихъ въ чистѣйшемъ видѣ, но и другіе народы не потеряли ихъ совершенно, ибо всѣ, по премудромъ предначертанію Провидѣнія, должны были содѣлаться участниками спасенія. За всѣхъ умеръ Христосъ, и потому былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ. Въ блуждающихъ образахъ народы искали его; Онъ, по словамъ Св. Писанія, въ мірѣ былъ, но міръ его непознавалъ, и когда нашлись тѣ, которые познали его, когда, подобно завѣсѣ, раздранной въ храмѣ въ минуту его кончины, пали передъ свѣтомъ его темные призраки и символы, Церковь его стоитъ на такомъ

dlib.kiev.ua

твердомъ камнѣ жены для всѣхъ истины, что врата адовы не сдвинутъ ее во вѣки.

Вся вселенная, оживотворенная огнесвѣтомъ, духомъ красоты, гармоніи и разума, сыномъ красной любви — Лады, великимъ Ладомъ, Бѣлымъ добрымъ Богомъ, святымъ витаземъ, другомъ человѣка, соединеннымъ плодотворною любовію съ прекрасною Дѣвою, есть сцена борьбы его съ мрачнымъ Чернобогомъ. Все на землѣ оживлено духами, которые помогаютъ или добромъ или зломъ началъ. Объ этомъ говоритъ жены Гельмольдъ. Какъ нравственнымъ свойствамъ человѣка, такъ и физическимъ предметамъ Славяне придавали духовъ: одни были добрые, другіе были падшіе. Это совершенно сходно съ ученіемъ Зенд-Авесты объ Изедахъ. У Славянъ они носили названіе боговъ вѣтряныхъ, водяныхъ, лѣсныхъ, полевыхъ и земляныхъ [175]).

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды и все небесныя явленія изображались олицетворенными. Мѣсяцъ былъ супругъ звѣзды, его сопутницы: въ свадебныхъ нашихъ пѣсняхъ заставляютъ добрый мѣсяцъ призывать любезную свою звѣзду взойти разомъ, освѣтить поле и море, обрадовать звѣрей въ лѣсу и путника въ дорогѣ. Въ созвѣздіи медвѣдицы, народъ видитъ коней, вѣроятно, Святовита. Черная собачка, олицетвореніе Чернобога, каждую ночь хочетъ перегрызть упряжь,

---

173) Kron. Czeska.

dlib.kiev.ua

чтобъ разрушить весь организмъ творенія, но не успѣваетъ. потому—что передъ разсвѣтомъ повѣетъ пить къ студенцу, а тѣмъ временемъ упряжь сластается. Въ созвѣздіи Ориона земледѣльцы видятъ плугъ, символъ гражданственности, который, по старинному скандскому понятію, спалъ съ неба. Радуга есть блестящее коромысло, которымъ царица небесная—прежде Жива-Лада, а теперь Матерь истиннаго Свѣта—почерпаетъ изъ святаго всемірнаго студенца животворную воду и орошаетъ поля. Громъ происходитъ отъ Громовника, превращеннаго изъ Перуна въ Св. Илію. Воздухъ Славяне олицетворяли подъ именемъ духа Погоды или Догоды [174]); вѣтеръ почитали за духъ, вѣющій отъ божества, называли его Стрикогомъ [175]) и Похвистомъ [176]):—этотъ демонъ готовъ сдѣлать столько же добра, сколько и вреда людямъ, не отъ злобы, а отъ юношескаго своеволія. Дурной вѣтеръ назывался вихорь и происходилъ отъ Чернобога. Онъ носитъ еще названіе Кулла [177]). Онъ могъ ослѣпить человѣка и раздуть его; и много сохранилось преданій до сихъ поръ о порчѣ людей посредствомъ дурного вѣтра. Огненные метеоры были также злыми жилѣями и назывались змѣями и смоками. Падающія звѣзды почитались душами-героями людей и паденіе означало смерть.

Вода была населена существами, служившими то добру, то злу начала: хотя вода была сама

---

174) Dlug. Histor. Pol. I. 37. — Helm. Chr. Slav. c. 84. — 175) Сл. о пол. Игор. — 176) Dlug. ibid. — 177) Сахар. Рус. чернок. 37.

dlib.kiev.ua

сѣкѣ скота, но злое сѹщество посылаетъ къ нее своихъ клевретовъ для отравленія счастія людскаго. Впрочемъ, въ настоящее время трѹдно ѹзнать, что́ принадлежало прежде Ладѣ, а что́ Черноборѹ; по большей части всѣ такія сѹщества представляются опасными для человѣка; но это произошло ѹже послѣ принятія Христіанства, когда ѹчители вѣры изображали ложныя божества бѣсами; — несмотря на то, и теперь сквозь занесенное понятіе прорывается прежнее.

Къ сѹществамъ, населяющимъ водѹ, принадлежатъ, во первыхъ, Рѹсалки. Какъ много значили эти сѹщества ѹ Славянъ, видно изъ того, что всегда сохранялась не только память объ нихъ, но даже вѣра въ ихъ сѹществованіе; и самые сѹровые лѣтописцы принѹждены были называть рѹсальною недѣлею время, опредѣленное для празднованія этимъ нимфамъ. Корень слова Рѹсалка находится въ языкѣ кельтскомъ, гдѣ Рѹсъ значитъ вода; но какъ ѹсвоено было это слово ѹ насъ, видно изъ множества названій рѣкъ, напр. Рѹса въ Новгородской гѹберніи, Россь, впадающая въ Нарѣ, Рось въ Кіевской гѹберніи, Рѹсиловка въ Полтавской; да наконецъ въ нашемъ языкѣ есть слово рѹсло, означающее средину рѣки [178]). Рѹсалка значитъ обитательница рѹсла — воды. Это тѣ самыя нимфы, о которыхъ ѹпоминаетъ Прокопій. Живя постоянно въ водѣ, на праздникъ Лады

178) Русс. прост. праздн. Т. 3. — Dzieje nar. Litewsk. I. 775.

dlib.kiev.ua

весною, когда вся природа праздновала воскресенїе и возвратъ Адониса-Свантовита, они выходили изъ воды и отправляли хороводы на лугахъ, въ лѣсахъ и на нивахъ. Нынѣшнїя повѣрья изображаютъ ихъ существами своевольными, шутливыми: онѣ качаются по деревьямъ, чешутся при свѣтѣ луны; но иногда нападаютъ на людей и защекочиваютъ ихъ до смерти: это, однако, происходитъ болѣе отъ шалости. Русалки существа легкїя, почти безтѣлесныя, ни добрыя, ни злыя; онѣ какъ будто воплощенныя въ человѣческомъ образѣ предметы физическаго мїра, но при человѣческой фигурѣ сохранили и безсознательность и безразличность матерїи. Имъ приносили жертвы: объ этомъ говорятъ Прокопїй и Козьма Пражскїй; у насъ, до позднѣйшаго времени, сохранился обычай раскидывать полотенца по деревьямъ на рубашки русалкамъ, а въ Украинѣ кладутъ горячїй хлѣбъ по окнамъ, думая, что паромъ отъ него питаются русалки. Онѣ вѣроятно, были сопутницы Дѣвонѣ, и потому изображаются какъ существа земноводныя; ибо народныя повѣрья помѣщаютъ ихъ по поляхъ и лѣсамъ подъ именемъ Мавокъ. Къ такимъ же принадлежатъ морскїя панны. Къ злымъ воднымъ существамъ причисляютъ топѣльцы и ухеголи или сирены у Чеховъ, у Русскихъ водяные и болотяные, которые перекертываютъ лодки, заманиваютъ людей въ погибель, разрываютъ плотины, ломаютъ мельницы. Во-

dlib.kiev.ua

лото представляется жилищем существ злых, а чистая вода добрых.

К существам фантастическим существам принадлежали вилы, о которых поверья остались у Сербов. Вила изображается прекрасною девою, но вместе воинственною. Они часто делают зло людям, умилостивляются кровавыми жертвами, как это видно из прекрасной песни о Зиданье Скадра на Бояне [179]) заключают с героями побратимство и помогают им на войнах. Это Амазонки сопутницы Артемиды. У Чехов подобных дев называются полудницами. В России, по свидетельству Геркерштейна, верили встарину в каких-то полуденных духов, о которых сохранилось преданіе в заговорах. Сохранилось на Руси также темное преданіе о каких-то девках простоволосых [180]).

К лесным богам принадлежат Святибор, лешіе у Русских, представляемые одноглазыми, и великаны вырвидубы. Леса были у язычников наших предметами особеннаго поклоненія, ибо все светопоклонники чествовали растенія, как проявленіе ежегодной деятельности светоноснаго начала. Так Діонисій был вместе бог цветов и трав. В Персіи с особенным благоговеніем почитали леса. Религія зендская заключала ученіе о священном дереве жизни, называемом Гома [181]). Это дерево

179) Нар. српске пиесме. II. 10—20.—180) Сказ. русс. нар. 18.—181) Zend-Av. III. th. 206.

dlib.kiev.ua

играетъ тамъ важную роль при сотвореніи міра, источаетъ живую (живущую-цѣлющую у Славянъ) воду [182]), а Бун-Дегешъ признаетъ его необходимымъ въ великомъ актѣ воскресенія [183]). Что-то подобное было и у Славянъ, ибо въ пѣснѣ, гдѣ описывается чудесное сотвореніе міра, говорится, что прежде чѣмъ создана была земля и небо, стояли два дуба посреди первоначальной жидкой массы. Такое дерево у Скандинавовъ называется Игдразиль, или всемірное дерево: тудa сходились боги для совѣта о созданіи міра [184]). О поклоненіи Славянъ деревьямъ мы имѣемъ многія чисто-историческія свидѣтельства. Прокопій говоритъ, что Славяне имѣли священныя рощи и покланялись старымъ деревьямъ. Въ Штеттинѣ рось большой вѣтвистый дубъ надъ источникомъ: этотъ дубъ считался жилищемъ божества [185]). Священныя рощи замѣняли храмы, и одна изъ такихъ рощъ описана Гельмольдомъ [186]). Изъ Краледворской рукописи мы узнаемъ, что у Чеховъ были запокѣдныя рощи, гдѣ находились истуканы, и самыя деревья почитались священными. Ибнъ-Фоцланъ передаетъ извѣстіе о поклоненіи Руссовъ деревьямъ, которое доходило до грубаго фетишизма. Константинъ Порфирородный говоритъ, что Руссы приносили жертвы подъ деревьями. Въ житіи Князя Константина говорится, что Русскіе язычники покланялись дуплистымъ деревьямъ,

182) Kleuk. 56. — 183) Bun-Dehesch. 105. — 184) Rauschn. 377. — 185) Vita S. Ott. 403. — 186) Chr. Slav. L. II. 83.

dlib.kiev.ua

обвѣшивая ихъ ꙋбрꙋсами [187]. Въ Уставѣ князя Владимїра запрещается молиться ꙋ рощей [188]. Сꙋдя по остаткамъ нашей миѳологїи въ пѣсняхъ, кажется, ꙋ рѣдкаго народа была такъ оживлена и осимволизирована растительная природа: деревья и травы часто говорятъ и междꙋ собою, и съ птицами, и людьми, и имѣютъ символическое примѣненїе къ человѣкꙋ. Здѣсь некстати излагать символикꙋ народною: предоставляется таковой трꙋдъ етнографамъ и археологамъ.

Славяне почитали священными деревьями дꙋбы, особенно старые; ясень, какъ должно дꙋмать, былъ посвященъ Перꙋнꙋ что показываетъ сходство етого слова съ наименованїемъ божества ꙋ Длꙋгоша [189]. Кленъ и липа символизовались, — какъ видно изъ пѣсень, — брачною четою; кленъ заключалъ въ себѣ таинственнꙋю благодѣтельнꙋю силꙋ; ето дерево ꙋпотребляется особенно во время народныхъ празднествъ въ Великой Россїи. Кленовый листъ имѣлъ магическое цѣлительное свойство. Подъ липами совершались жертвоприношенїя. Орѣшникъ, посвидѣтельствꙋ Оттонова жизнеописателя, былъ также священное дерево. Береза символизовала чистꙋю мать природꙋ. Что касается до травъ, то хотя многїя теперь ꙋ народа имѣютъ то символическое, то чародѣйственное значенїе, однако трꙋдно ꙋзнать какїя изъ нихъ что́ значали въ язычествѣ.

187) Карамз. Т. I. пр. 216. стр. 351. — 188) Тамже пр. 1. 483. — 189) Hist. pol. N.

dlib.kiev.ua

Птицы у Славянъ имѣютъ символическія значенія. Преимущественно же миѳологическія понятія соединились съ кукушкою, голубями, ласточками и воронами. — Кукушка изображается провозвѣстницею будущаго, съ таинственнымъ смысломъ. Въ одной украинской пѣсни говорится, что надъ сиву зузуленьку на свѣтѣ нема. Ето объясняется сказаніемъ Прокоша, что въ ету птицу превращается Живый. — Голубь у всѣхъ Славянъ символъ любви и потому-то въ одной карпатской пѣсни приписывается сотвореніе міра двумъ голубямъ, т. е. мужескому и женскому первосуществу. Такое понятіе есть общемиѳологическое, ибо голуби, по сирійской миѳологіи, высидѣли яйцо, изъ котораго образовалась богиня Деркето-Афродита [190]. Такъ въ греческой миѳологіи начало додонскаго прорицалища приписывается прилетѣвшимъ туда двумъ голубямъ [191], и съ тѣхъ поръ голуби служили при храмѣ символами жизни, питанія и цѣломудрія. — Ласточка у древнихъ Славянъ принимала большое участіе въ судьбѣ человѣка. Такъ въ Любушиномъ судѣ ласточка подаетъ знакъ сестрѣ Кленовичей о ссорѣ ея бретьевъ. Вороны (крагуи) у Чеховъ были священными птицами; никто несмѣлъ пугать ихъ въ лѣсу, а Забой считаетъ величайшею обидою для своихъ боговъ, когда Христіане выгнали изъ лѣсовъ крагуевъ. Сова, кажется, была символомъ

190) Symb. 11. 65. — 191) ibid. 163.

dlib.kiev.ua

смерти и тьмы: когда душа вылетала изъ тѣла, то всѣ птицы перепугались, не испугались однѣ совы. Но кромѣ сихъ птицъ, Славяне многимъ другимъ приписывали даръ прорицанія. Птицеслухованіе было распространено у всѣхъ народовъ нашего племени. Въ Великой — Россіи особенную силу имѣетъ коровка посредствомъ черной курицы [192]), что сходно съ гаданьями авгуровъ и конечно относится къ языческому міру.

Изъ четвероногихъ священными у Славянъ были волъ и конь. Изображеніе бычачьей головы на щитѣ Радегаста относится къ свѣтопоклонической идеѣ Персовъ и Египтянъ; быкъ былъ символомъ плодотворенія, и потомъ въ Зенд-Авестѣ первое существо, изъ котораго образовались твари, изображается быкомъ [193]). Въ Египтѣ быкъ означалъ живительную силу солнца. Въ Греціи быкъ изображалъ Вахуса, принимаемаго въ значеніи солнца [194]). Какъ почитали Славяне коня, видно изъ описаній богослуженія Свантовита и Радегаста: гаданье посредствомъ коня осталось до сихъ поръ у насъ. Въ общемидологической системѣ конь представлялся животнымъ, неразлучнымъ съ быкомъ [195]). Въ Зенд-Авестѣ конь животное солнца и Коршидъ (одно изъ наименованій солнца) представляется на коняхъ [196]). Тоже приписывалось Аполлону, какъ

192) Русс. Чернокн. 65. — 193) Zend-Avesta I. th. 254—257. — 194) Symb. IV 258. III. 104. — 195) Symb. IV 380. — 196) Kleuk. 18.

dlib.kiev.ua

солнцѣ. Священными насѣкомыми почитались пчелы. По русскимъ свѣдѣніямъ пчелы произошли изъ лошади, зарѣзженной водянымъ, и найдены въ рѣкѣ [197]); это нѣсколько указываетъ на зендскаго быка, убитаго Ариманомъ. Въ Греціи пчелы считались сопутницами Артемиды, также были посвящены Церерѣ и служили памятникомъ и символомъ золотого вѣка [198]). Медъ у Славянъ считался священнымъ какъ и у греческихъ язычниковъ: онъ приносился въ жертву богамъ и употреблялся на тризнахъ.

Землю Славяне населяли существами добрыми и злыми. Къ добрымъ принадлежитъ дѣдушка, который показывается на мѣстахъ, гдѣ скрыты сокровища, и отъ прикосновенія разсыпается, давая знать человѣку о богатствѣ. Скритки у Богемцевъ—пигмеи,—кажется, были существа ни добрыя и ни злыя; такъ въ Россіи вѣрятъ въ котигорошекъ, мужичекъ съ ноготокъ—борода съ локотокъ и т. под. Были подземные злые духи у Славянъ, у Богемцевъ назывались они Стриги [199]). Воины призывали ихъ на помощь противъ враговъ и они имѣли силу остановить лошадь непріятеля; отъ этого отдѣлывались тѣмъ, что чертили саблею крестъ на землѣ между ногами лошади: этимъ разрывали невидимыя узы, связывавшія животныхъ; послѣ того слѣдовало бѣ

197) Сахар. Сказ. Рус. нар. о знахорствах. 49.—198) Symb. II. 172.—199) Scias Bohemorum strigas sivè lemuras nostras praevaluisse Eumenidas.—Cosmas.

dlib.kiev.ua

жать, не оглядываясь [200]). Домовые, безъ сомнѣнія, у Славянъ означали пенатовъ, покровителей дома и домашнихъ пожитковъ. Хотя теперь обыкновенно ихъ признаютъ за злыхъ, но въ старинѣ они были добрыми геніями и старое понятіе прорывается въ нынѣшнихъ вѣрованіяхъ. Такъ въ заговорѣ мать отводитъ отъ сына чужого домового; свой же домовой не опасенъ [201]).

Къ числу злыхъ фантастическихъ существъ, принадлежали кащей-жданъ [202]) или Кощей безсмертный, представляемый воображеніемъ въ видѣ скелета, треклятая баба яга, противоположная золотой Бабѣ-Ладѣ, нага у Серковъ или моровая женщина и проч. Такъ—какъ цѣль моя не писать полной мифологіи славянской, тѣмъ болѣе народнаго демонословія въ настоящее время; то я ограничиваюсь сказаннымъ, представляя подробное разсмотрѣніе этнографамъ. —

Съ символическимъ почитаніемъ предметовъ физическаго міра, тѣсно связанъ былъ у Славянъ догматъ превращеній, — въ пѣснях Славянскихъ народовъ очень много исторій о превращеніяхъ: вѣрно предки наши вѣрили, что душа покойника и даже живой человѣкъ съ тѣломъ можетъ перейти въ дерево или птицу, или какое другое существо а).

---

200) Ibid. — 201) Сахар. Рус. Черноки. 19. — 202) Сахар. тамъ же.

а) Нѣсколько такихъ метаморфозъ я считаю нелишнимъ привести здѣсь:

1. Дѣвушка, не слушая предостереженій брата, вступила на рѣчную

dlib.kiev.ua

Дитмаръ говоритъ, будто Славяне не знаютъ ничего о будущей жизни; но это несправедливо, ибо мы видимъ явственно изъ остатковъ нашей поэзіи противное. Изъ Краледворской рукописи мы знаемъ, что Славяне признавали въ человѣкѣ особое существо, которое называли душею или душицею и мѣсто ей полагали въ горлѣ. Выбитая изъ тѣла жемчужная (по выраженію сл. о п. Игор.) душа выходила изъ горла и пускалась по деревьямъ; тогда Морена препровождала ее въ черную ночь. Такъ изображается кончина человѣка. Изъ Нестора и арабскихъ писателей мы знаемъ, что Славяне своихъ мертвецовъ сжигали, а пепелъ ставили въ сосудахъ на столпахъ надъ дорогами и творили тризну или поминки въ честь усопшихъ [204]). Было ли у Славянъ опредѣленное мѣсто для душъ, объ этомъ положительно ни-

---

кладку утонула и превратилась въ березу, очи ея въ терновыя ягоды, а коса въ траву.

2. Злая мать преслѣдовала сына суровымъ обращеніемъ: сынъ уѣхалъ и превратился въ яворъ, а конь его въ камень. Мать вышла въ поле и стала подъ яворъ, который отозвался къ ней и она превратилась въ пыль.

3. Юноша полюбилъ дѣвицу и убѣжалъ съ нею, но никакъ немогъ соединиться бракомъ; самъ онъ превратился въ терень, а дѣвица въ калину.

4. Господинъ ненавидѣлъ свою жену и полюбилъ молодую дѣвушку, которая разсказала объ этомъ госпожѣ. Госпожа убила ее: изъ ея ногъ выросли два явора, а изъ рукъ два бука.

5. Дѣвица долго дожидалась своего жениха, выходила на высокій курганъ, и плакала до тѣхъ поръ, пока превратилась въ тополь.

203) Ibn-Fotzl. 19. Нест. 6. — 204) Нест. ibid.

dlib.kiev.ua

гдѣ не сказано; выраженіе: Морена ѵсыпила его въ черной ночи, по видимомѵ, показываетъ, что не было ѵ нихъ ни рая, ни ада, но Славяне не признавали совершеннаго ѵничтоженія послѣ смерти, и черная ночь Морены не была ничтожество. Праздники въ честь ѵмершихъ, совпадающіе весною съ празднествами обновленія природы, возліяніе и молитвы за мертвыхъ, показываютъ, что Славяне имѣли понятіе о жизни загробной. Изъ Нестора и Льва Діакона [205] мы ѵзнаемъ, что, по славянскомѵ понятію, клятвопреступники ѵдутъ рабомъ въ ѵдѵщемъ вѣкѣ. Встарину во время поминокъ лили вино на могилѵ и ставили кѵшанья, съ тою мыслію, что все это достанется покойникѵ. Слѣдовательно, смерть не пресѣкала существованія человѣка совершенно. Ѣдали ѵ какого народа есть столько преданій о бродячихъ мертвецахъ, какъ ѵ Славянъ; но точно, Славяне не-

---

6. Мужъ уѣхалъ на войну, оставя жену на попеченіе матери своей. Свекровь обращалась съ нею такъ сурово, что невѣста отъ тоски превратилась въ рябину. Мужъ, возвратившись, увидѣлъ неизвѣстную рябину, началъ рубить, а въ деревѣ показалась кровь, и рябина сказала, что она превращенная жена его.

7. Дѣвица несла воду, отяготясь работою, наложенною на нее хозяйкою, бросила ведра и превратилась въ яблоню. Юноши ѣхали мимо, срубили яблоню и сдѣлали изъ нея гусли.

8. Братъ убилъ брата: изъ тѣла убитаго выросла камышина, которая, бывъ сорвана, играла пѣсню, обличающую убійство.

9. Юноша долго находясь въ чужбинѣ, женился и узналъ, что жена его—родная сестра: оба превратились въ цвѣтокъ, называемый по великорусски Иванъ да Марья, а по украински братъ съ сестрою (viola tricolor,: брата означаетъ синій цвѣтъ, а сестру желтый.

205) Ист. Льва Діак. 94.

dlib.kiev.ua

имѣютъ для нихъ опредѣленнаго мѣста: мертвецы, по народному понятію, не приходятъ изъ ада и мрака, а вылѣзаютъ изъ гроба или пожалуются неизвѣстно откуда; одни дѣлаютъ людямъ зло, другіе бродятъ безъ всякой цѣли по міру, не находя себѣ пріюта. Изъ всѣхъ такихъ повѣрій, которыхъ безчисленное множество, видно, что опредѣленное мѣсто для мертвыхъ едвали было, но что было вѣрованіе о жизни послѣ смерти. Впрочемъ, Чехи, которые больше хоронили мертвыхъ, давали мертвымъ въ ротъ и руки монеты для заплаты Wuodzy и Plawcy,— лицамъ, которые, повидимому, долженствовали проводить и переправить куда-то мертвыхъ [206]). Такъ—какъ Славяне сожигали мертвыхъ, и при томъ вѣрили въ пребываніе другого существа въ тѣлѣ человѣческомъ—души, то вставаніе изъ гробовъ немогло быть тогда всеобщимъ вѣрованіемъ. Знаемъ только, что мертвые

---

10. О кукушкѣ разсказывается нѣсколько превращеній, напр. у Сербовъ сестра превращается въ кукушку за то, что плакала о мертвомъ братѣ. У Поляковъ княжна, которую отдавали насильно замужъ, превратилась въ кукушку. У Малороссіянъ женщина, отданная въ далекую сторону замужъ, прилетаетъ къ матери въ видѣ кукушки.

11. Женщина превращается въ камень за недостойное употребленіе хлѣба.

12. Свадьбы превращаются въ волковъ по наговорамъ.

13. Души умершихъ превращаются въ птицъ и являются живымъ; такъ въ Малороссійской пѣснѣ душа убитаго прилетаетъ на трупъ свой къ плачущей женѣ въ видѣ павлина.

14. Дѣвушка утопаетъ въ Дунаѣ и члены ея превращаются въ разные предметы, руки въ щукъ, ноги въ сомовъ.

206) Kron. Czesk.

dlib.kiev.ua

являлись. А полагаю, что ихъ мѣстопребываніе — вся природа. Души переходили въ деревья и птицъ, и отзывались къ человѣку, или принимали свой прежній образъ и являлись. Это не былъ совершенный метампсихозисъ, но только недостаточность понятій о раѣ и адѣ послѣ смерти. Можно себѣ вообразить, какъ тѣсна была связь Славянъ съ природою, какъ одушевленъ былъ міръ. Между тѣмъ, было вѣрованіе о новой жизни, о возвратѣ и обновленіи. Въ первые дни праздника весны существовалъ обычай закликать мертвецовъ: это дѣлалось тогда, когда праздновалось воскресеніе природы, побѣда Свантовита надъ мракомъ и уничтоженіемъ и, кажется, основывалось на вѣрованіи, что доброе начало нѣкогда побѣдитъ совершенно смерть и воздвигнетъ мертвыхъ къ жизни; — къ этому далекому времени относились награда и наказаніе: вотъ что́ и называлось вѣкъ будущій. Пруссы, по свидѣтельству Дюсбурга [207]), думали, что тѣла нѣкогда воскреснутъ и будутъ жить въ такомъ состояніи, въ какомъ были прежде. Кадлубекъ [208]) говоритъ о Гетахъ, подъ которыми разумѣетъ Латышей и Литовцевъ, что, по ихъ мнѣнію, души выходятъ изъ тѣла, а впослѣдствіи войдутъ въ тѣла, которыя тогда родятся. Въ другихъ мидологіяхъ находится тоже вѣрованіе, напр. въ скандинавской и въ Зенд-Вестѣ, гдѣ говорится, что воплощенное добро

207) III. c. 5. — 208) IV. c. 19.

dlib.kiev.ua

Созїашх поразитх смерть, воскреситх мертвыхх, и создастх новое небо и новую землю.

Славянская религїя чужда была фатализма. Объ этомх насх извѣщаетх еще Прокопїй, говоря, что Славяне о судьбѣ вовсе неимѣютх понятїя. Хотя вх настоящее время вх нашемх простомх народѣ существуетх мысль о предназначенїи, но она ясно заимствована сх христїанствомх отх чужихх. У Полаковх даже слово los, означающее судьбу, заимствовано сх нѣмецкаго. Малороссїйское слово доля незначитх судьбу, а состоянїе, вх которомх находится человѣкх: вх одной пѣснѣ козакх жалуется на долю, а доля ему отвѣчаетх что не доля виновата, а воля. Вотх коренное славянское понятїе о свободѣ человѣка.—Гаданїя при храмахх не значатх также вѣры вх судьбу, а значатх то, что человѣкх чувствуетх недостатокх своего разума и желаетх узнать отх божества: будетх ли кстати то, что онх предпринимаетх.

Вѣра вх гаданья была распространена между Славянами до чрезвычайности, такх что и до сихх порх вх русскихх селахх знахорх или гадатель пользуется такою жх силою и значенїемх какх оракулх. Прорицанїя вх храмахх всегда совершались сх гаданьями. Гадали не только жрецы, но женщины, которыя, занимаясь этимх, составляли какх бы особенный цехх. Вх Чехїи были женщины, называвшїяся wieszkynie; — онѣ отвѣчали на вопросы относительно политическаго

состоянїя страны, и князья предпринимали дѣла по ихъ совѣтамъ [209]). Славяне имѣли глубокое уваженїе къ жребїю и считали его откровенїемъ высшей воли. Вмѣстѣ съ этимъ соединялась вѣра въ могущество слова. Человѣческое слово имѣло въ себѣ что-то чародѣйственное, заключало таинственную силу, которую узнать — была высокая мудрость. Слово могло дать человѣку счастїе и погубить его безвозвратно; слово могло прогонять болѣзни, останавливать дѣйствїя злыхъ духовъ, управлять физическими явленїями, творить чудеса. Кто постигъ таинственное значенїе слова, тотъ безопасенъ и въ битвѣ, и на морѣ, и среди тайныхъ непрїятелей. Памятникомъ этого вѣрованїя остались заговоры, посредствомъ которыхъ простой народъ думаетъ прїокрѣтать богатства, избавляться отъ опасностей и болѣзней. Такое вѣрованїе развило у Славянъ любовь къ поезїи и произвело огромный запасъ пѣсенности. Въ пѣснѣ Славянинъ видѣлъ не только прїятное, но высоко чудесное; поетъ носилъ имя вѣщаго, т. е. вѣдающаго сокровенныя истины, и поезїя называлась вѣщба. Оттуда, у Славянъ уваженїе къ законамъ и правиламъ отцовъ, выражаемымъ во множествѣ изрѣченїй или пословицъ, въ которыхъ высказывается житейская мудрость.

---

209) Krok. Czeska 47.

II.

ПРАЗДНИКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. Стрыковскій, описывая этотъ праздникъ у Литовцевъ, говоритъ, что онъ продолжался съ 25 Мая по 23 Іюня. Это столь долгое празднество было у Славянъ: у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 Іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Нарушится сомнѣвается, чтобъ праздникъ народа земледѣльческаго былъ столь продолжителенъ въ такое время, когда нужно заниматься работами; но во первыхъ, самыя полевыя занятія у Славянъ сопровождались, какъ и теперь сопровождаются, пѣснями, и притомъ такими, какія только и поются во время извѣстныхъ работъ; — а во вторыхъ — время съ 23 Мая до 23 Іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвба кончается, а покосъ еще не начатъ. И теперь, ни въ какое другое время не

поется болѣе пѣсень, какъ въ его. Праздникъ весны былъ даже гораздо продолжительнѣе, а Стрыковскій сказалъ только о части его, о томъ времени, когда свобода отъ работъ давала поселянамъ болѣе возможности предаваться играмъ и забавамъ. —

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ, подобно какъ у Пруссовъ и у восточныхъ народовъ. Памятниками этого древняго обычая у Славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла: его наблюдаютъ въ Украинѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣли поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣснях въ первый разъ упоминается имя Лада съ епитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По русски, этотъ праздникъ называется проліотье. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцаренія весны. Прежде всего хоровод, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у Полаковъ стадо [1] купаясь въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался въ Украинѣ еще въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Боплана, обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ, юноши бѣгали съ ведрами

1) Dlug. Hist. 1. Krom. 55.

за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы тѣмъ же отплачивали мущинамъ; въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду [2], — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на прóсѣкѣ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершался символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія весны [3]. Въ XVII вѣкѣ въ Польшѣ дѣлали соломенное чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; сіе чучело называлось Маржаною, и означало у Славянъ, по толкованію Бѣльскаго [4], смерть или зиму — т. е. воду въ стоячемъ положеніи, — Деканну-Гекату въ пагубномъ, убивающемъ отношеніи. Тогда пѣли: смерть вьется по закорамъ, ища себѣ поживы. — У Чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ убитой зимы и воскресеніемъ весны [5]. Потомъ, другое соломенное чучело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Сіи два обряда означали распусканіе воды, и умерщвленіе Маржаны или зимы — воды мертвой, посредствомъ сочетанія огнесвѣта съ водою живою и плодородящею (цѣлящая и мертвящая вода въ русскихъ сказкахъ). Что топленіе и сожженіе совершалось вмѣстѣ, видно изъ слѣдующаго: Бѣльскій говоритъ [6], что топленіе Маржаны было отправляемо

2) Déscript. d'Ukr. Синопс. 49. — 3) Русс. прост. празд. III. 13.— 4) Bielsk. Kron. — 5) Карамз. Т. I. пр. 232. с. 352. — 6) Рус. прост. празд. VII. 9.

dlib.kiev.ua

на бѣлой (на 5-й недѣлѣ поста) недѣлѣ, а въ пѣснѣ малороссійской поется:

На бѣлой недѣли,
Пожары горѣли;

Потомъ совершалось закликаніе или призываніе весны. Это торжество у Русскихъ называется красною горкою, у Червонорусовъ гаилками. — Какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное, и погребальное.

Во первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призваніями матери солнца, великой Лады [a]. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу [b]; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ [c]; пѣли священныя пѣсни въ

---

a) Напр. въ пѣснѣ:
Благослови мати,
Ой, мати Лада, мати!
Весну закликати.

b) Напр. Солнышко ведрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твои дѣтушки плачутъ,—
или
Взойди ясное солнышко:
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ со дѣвицами.

c) Што ты, мѣсячко, да не одинъ на небѣ,
Хоть я одинъ, такъ Богъ меня родилъ
Что есть звѣздочки, то всѣ со мною
или
Свѣти зоре, на все поле,
Заколь мѣсяцъ зойде!

dlib.kiev.ua

честь воды [d], совершали моленїя о плодородїи и ниспосланїи дождя [e], обращались къ лѣсамъ, прося ихъ разбиться [f], призывали птицъ развеселить пѣнїемъ разцвѣтающїя дубровы [g]. Потомъ отправлялись символическїя игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другїя означали воспоминанїя миѳологическихъ событїй. Тогда же борьба Свантовита съ Чернобогомъ, смерть и погребенїе Свантовита и возстанїе, какъ египетскаго Озириса или римско-фригїйскаго Аттиса, изображались драматически, и отъ сего остался упомянутый выше обрядъ Кострубоньки. Въ пѣснѣ, которую теперь поютъ при погребенїи Кострубоньки, изображается плачъ всей природы надъ умершимъ божествомъ, потомъ обрядъ кончается веселыми пѣснями. Изображая оцѣпененїе природы зимою и возвращенїе къ жизни весною, этотъ обрядъ символизуетъ земное странствованїе Свантовита, смерть въ борьбѣ,

---

d) Луга береза разливайтеся
Разлейся вода, вода вешняя!

e) Дождь, дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.

f) Напр. (малорос.) ей луже,
Шуми луже!
Негайся
Добрѣвенько развивайся!

g) Лѣсъ ты мой, лѣсъ зеленъ; не веселъ
Нѣкому тебя развеселить
Что были пташечки, въ ирей полетѣли.

dlib.kiev.ua

подобно бальдуровой, и вѣрно возстаніе, подобно озирисову и аттисову. — Кромѣ этаго обряда есть еще нѣсколько другихъ обрядовъ, которые здѣсь излагать въ подробности я несчитаю умѣстнымъ, а предоставляю такое занятіе этнографамъ. Припѣвы: Ладо! Диди-Ладо! (т. е. великій Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ священной исторіи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто-и-водо-поклоненіе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, въ Индіи на праздникъ Дробеды, у Грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха [7]. Памятникомъ этого осталась одна хороводная игра, въ которой дѣвицы ходятъ мѣрными шагами, представляя какъ будто что-то носятъ въ рукѣ и поютъ:

Заскѣчу свѣчу
Проти сонечка;
Тихо йде!
Я вода по камѣню.
Я вода по вѣлому,
— Йціе тихше.

Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

---

7) Symb. II. 134. III. 335. IV. 563.

dlib.kiev.ua

Второе значеніе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр. извѣстная игра: сѣяніе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханіе вообще [a], сѣяніе мака [b], хмѣля [c], ячменя и пшеницы [d], льна [e] и разныя сельскія работы [f]. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало полевыя труды поселянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это празднество имѣло значеніе для пастуховъ. Дитмаръ говоритъ, что у Славянъ, весною, былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку, держащую желѣзный шаръ. Пастухъ кричалъ: Гонило! стережи! и всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ [8]. У Литовцевъ также праздновался день Гониглы; Гонигло почитался богомъ пастуховъ, но праздникъ со-

---

a) Напр. (малорос.) А за лѣсомъ лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Ой Лелю! Ладо! пахари пахали!

b) Напр. (малорос) Посѣю, посѣю, чорный макъ,
Да роди Боже червоный.

c) — — (Русск) Перевейся, хмѣль,
Да на нашу сторонку!

d) — — (Русск) Роди; Боже, намъ,
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту!

e) — — (Малорос) Посѣемо лёну, лёну!
Ой Лелю—Ладо! лёну!

f) — — (Малорос) Ой Лелю—Ладо! громада стояла,
Громада стояла, колодязь копала.

8) Ditm. Chr. — Dzieje Nar. Lit. I. 303.

dlib.kiev.ua

впадалъ съ торжествомъ солнца. А полагаю, что литовскій Гонигло есть славянскій Гонило; и у Славянъ онъ означалъ духа-покровителя стадъ, или, что вѣроятнѣе, былъ однимъ изъ наименованій свѣтоноснаго существа. Гонило значитъ гонящій, какъ купало совокупляющій. Кажется, шаръ на палкѣ есть символъ солнца.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуется въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій разцвѣтъ, радость, свѣжесть [а]. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и водная женскаго божествъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потомъ, въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при

а) Доказательствомъ служитъ напр. слѣд. пѣсня

Весна, весняночко!
Де твоя дочка панняночка?
Сидитъ у садочку
Шіе сорочку,
Шовкомъ то бѣлью
Къ своему весѣлью!

Здѣсь я разумѣю подъ весною Ладу, а подъ дочерью Дѣванну, сестру и жену Свантовита.

dlib.kiev.ua

концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь, для прославленія верховной любви. Доказательствомъ служатъ пѣсни, въ которыхъ представляется любовь мужескаго пола къ женскому; но никогда одного лица къ другому, а всегда нѣсколькихъ лицъ разомъ, такъ что обыкновенно, три-четыре юноши изображаются то въ видѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, а три или четыре дѣвушки въ видѣ звѣздочекъ, то въ видѣ птицъ, растеній и т. под. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. царевичъ и царевна, или сѣмное просо, гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ, и т. д. Сіи игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда яствы и напитки, дѣлали возліяніе въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣснях вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торже-

dlib.kiev.ua

ственное пиршество, на которомъ пили - ѣли званные и незванные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начинались корьбы и ристанїя, подобно какъ въ древности у Грековъ, что̀ видно изъ Ілїады. Ѳти богатырскїя игры считались необходимыми для умершихъ. Оттого самое слово тризна въ лексиконѣ Памвы-Берынды объяснено поединкомъ. Мы имѣемъ описанїе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что, послѣ пиршества надъ могилою Игоря, княг. Ольга пригласила Древлянъ на состязанїе съ Кїевлянами [9]. Объ этомъ обычаѣ напоминаетъ Митрополитъ Кирилла въ XVII вѣкѣ, говоря что творятъ нѣкїе позоры съ ключемъ и копьемъ бьющеся дреколїемъ до самыя смерти [10]. Поминовенїе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что̀ называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресенїе. Козьма Пражскїй говоритъ, что въ Чехїи отправлялись языческїя игры для успокоенїя умершихъ, потомъ возбуждали ихъ (т. е. закликали по русскому народному термину) и, надѣвъ маски, оканчивали поминовенїе весело и шумно [10]. Изъ Стоглава видно, что, во время поминовенїя, играли скоморохи и гудники, всѣ перестаютъ плакать и начинаютъ скакать, плясать и бить въ ладоши [12]. Славяне, значитъ, вѣрили, подобно Персамъ, что придетъ день всеобщаго воскресенїя, день

9) Нест. 24.—10) Русс. дост. Т. I. 114.—11) Lib. III. 197.—12) Русск. прост. празд. I. 28.

dlib.kiev.ua

свѣтозарный, когда Ладъ-Свантовитъ побѣдитъ Чернобога и настанетъ новая земля и новое небо. Памятникомъ этого догмата осталось повѣрье, что есть въ нѣкоторомъ царствѣ люди, которые замираютъ на зимѫ и воскресаютъ въ день Ёгорія, т. е. люди ѫмираютъ, когда настанетъ ихъ зима и воскреснѫтъ въ день побѣды Свантовита, замѣненнаго теперь именемъ христіанскаго витязя.

Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и ѫвеселеніями. Все носило видъ богослѫженія Ладѫ. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводъ обыкновенно въ водъ, въ рощахъ или ликадахъ. Ёто-то были тѣ игрища межю селы, на которыхъ, по словамъ Нестора, ѫмыкахѫ въ воды дѣвицъ, ето-то тѣ ѫтолоченныя игрища, на которыя жаловались дѫховные отцы, ѫказывая въ противоположность на пѫстые храмы Божіи. Я полагаю, что при этихъ игрищахъ не всегда соблюдалось цѣломѫдріе, покрайней мѣрѣ до извѣстной степени, ибо эти игрища казались для Христіанъ срамными и блѫдными. Слѣды почитанія лингама въ сѣверныхъ Рѫссовъ при праздникѣ Ярила показываютъ, что понятіе о Ладѣ было довольно нескромное. Несторъ говоритъ, что на игрищахъ по совѣщанію имѣли по двое и по трое женъ. Соображая ѫкаженіе къ сѫпрѫжествѫ Славянъ, я понимаю ето извѣстіе такъ, что на игрищахъ часто юноши перемѣнялись своихъ

dlib.kiev.ua

любовницъ. Выраженїе въ Краледворской рукописи: повелѣваютъ намъ имѣть единую дружу отъ Весны до Моданы означаетъ, кажется, то, что Христїане не позволяли сходиться на игрища, гдѣ молодежь пребывала въ непозволительномъ обращенїи. Пѣсни, которыя поютъ весною по вечерамъ наши поселяне, дышатъ часто сладострастїемъ. Прибавьте къ этому описанїе Руссовъ у восточнаго путешественника [15]), гдѣ изображаются въ отвратительномъ видѣ ихъ отношенїя къ дѣвушкамъ (а не женщинамъ); и такъ все приводитъ къ тому, что игрища язычески заключали въ себѣ много такого, что теперь оскорбляло бы понятїе о благопристойности. Чувство стыдливости преимущественно развито христїанствомъ. Язычникамъ вообще не такъ грѣшнымъ казалось короткое обращенїе между полами. Во всѣхъ почти религїяхъ, сродныхъ славянской, по свѣтопоклоненїю, видно не только вольное обращенїе половъ, но священное блудодѣянїе. У Индїйцевъ были Баядеры, которыя жили при храмахъ и обязаны были отдавать себя въ наслажденїе мужчинамъ въ честь боговъ. Какїя мерзости дѣлались въ Египтѣ, можно видѣть во второй книгѣ Геродота. У Вавилонянъ, по свидѣтельству Геродота, при уваженїи къ супружескому союзу, каждая женщина разъ въ жизни должна была отдавать себя чужеземцу въ честь богини Милитты (нашей Лады, быть

12) Ibn-Fotzl. 7.

dlib.kiev.ua

можетъ Милицы). У Грековъ и Римлянъ на праздникѣ Вакха совершались крайнія непристойности и носили изображеніе дѣтороднаго мужескаго члена, какъ священный символъ плодотворенія. Можетъ быть и у Славянъ было понятіе, что дѣвица должна въ красѣ дней предаться удовольствіямъ, а потомъ уже сдѣлаться вѣрною супругою. Вѣроятно, у Славянъ, у которыхъ, по свидѣтельству Саксона Грамматика, божество наказывало за непозволительное сообщеніе, ето вольное обращеніе не доходило до stuprum, а ограничивалось соблазнительными нѣжностями, поцѣлуями, обниманьями. Но какъ бы-то ни было, ети игрища, по способу ихъ отправленія, заслуживали того, чтобъ Христіане ими гнушались. Самое вѣрное доказательство есть то, что и теперь, особенно въ Малороссіи, на подобныхъ игрищахъ въ селахъ совершаются такіе остатки языческаго суда, которые вовсе уничтожаютъ тѣ похвалы чистой нравственности поселянъ, какія нерѣдко читаемъ въ нашихъ книгахъ.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, Славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ: слово ето совпадаетъ съ семью тысящами дней царствованія Даждь-Бога и семью мечами Руевита. Праздникъ етотъ былъ тотъ же, который называется у Русскихъ Яриломъ, а у

Словаковъ Тѵрицами и Лѣтницами [14]). Имя Ярило означаетъ тоже, что Яровитъ, и происходитъ отъ слова яръ, а слово яръ имѣетъ нѣсколько смысловъ: 1, яръ = весна; 2, яръ = мѵжество bujarost (Краледв. рѵк.) отвага; 3, яръ = гнѣвъ, ярость; 4, яръ = похоть, ярость; Тѵрицы происходятъ отъ Тѵръ, что́ значитъ дикаго быка, а быкъ, мы знаемъ ѵже, ѵ Славянъ, какъ и ѵ дрѵгихъ идолопоклонниковъ, символизовалъ свѣтоносную плодотворящую силѵ.—И такъ какъ сила плодородная въ своемъ сѵществѣ была то́, что́ божество свѣта, то этомѵ божеству придавалось названіе Тѵръ, подобно какъ и ѵ Ёгиптянъ быкъ Аписъ означалъ бога, а оттѵда, по сравненію и по образовавшемѵся оттого однозначенію словъ: тѵръ и витъ, называли тѵрами и героевъ; такъ въ словѣ о полкѵ Игоря Всеволодъ называется яръ-тѵръ. Подобно красной горкѣ Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Кѵпала, какъ это можно предположить изъ того, что́ обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ Славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и кѵпальнаго праздника.

---

14) Slow. Starož. Okr. Cz. I. § 6. p. 51.

dlib.kiev.ua

Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ епоху сильнѣйшей его дѣятельности, богу Руйевиту. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами — вѣрно прежде символическими знаками — служитъ непремѣннымъ условіемъ етого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно ето дерево — береза, и кажется оно символизовало мать Ладу - природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. У Римлянъ было священное дерево на праздникѣ Атиса и означало матерь Цибелу; тоже значила Майя, принимаемая въ смыслѣ природы и матери міра, Афродиты [15], въ честь которой ставили дерево, называвшееся arbor majalis [16]; подобно у Индійцевъ изображалась Бгавани, всеобщая матерь, въ образѣ Лотоса [17]. По изысканіямъ ученаго Снегирева, такое дерево у Датчанъ называлось Maistrae, у Англичанъ Maypole, у Нѣмцевъ Maibaum и употреблялась для того береза [18]. Конечно, ето одно понятіе, по которому у древнихъ Кельтовъ высочайшее существо символизовалось также въ видѣ дерева [19]. Поетому-то я полагаю, что и русская березка означала туже мать-природу, въ чемъ убѣждаетъ меня еще и пѣсня

15) Funke III. 406. Symb. IV. 255. — 16) Рус. прост. празд. III. 84. — 17) Symb. III. 328. — 18) Рус. прост. празд. III. 328. — 19) Allgem. Weltgesch. Gesch. der Celt.

dlib.kiev.ua

о превращеніи въ березу женщины, которой очи стали черный теренъ, коса—шелковая трава, слеза—роса. Слѣдовательно, какъ скоро олицетвореніе исчезаетъ, то идея его выражаетъ всю природу.—Къ этому же семицкому торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы; хотя его отправляютъ иногда и послѣ, но какъ въ различныхъ мѣстахъ въ разное время, то вѣрнѣе всего онъ долженъ былъ совпадать съ праздникомъ березки или слѣдовать непосредственно за нимъ. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ: вѣтаринъ человѣкъ, разрумяненый, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки не рѣдко до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины съ лингамомъ. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона [20], который истребилъ и проклялъ идола. — Въ другихъ мѣстахъ—напр. въ Воронежской губерніи—Яриломъ называютъ истуканъ одѣтый въ мужеское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило однозначителенъ съ Костробонькомъ и Костромою и наконецъ Ладомъ, ибо въ Владимірской губерніи · называютъ Ярила Ладомъ [21]. Ярило

20) Опис. жиз. и подв. Преосв. Тих. 26.—21) Рус. прост. празд. IV. 60.

dlib.kiev.ua

значитъ возбуждающій любовь и похоть, а погребеніе его есть повтореніе или перенесеніе на лѣто весеннаго обряда погребенія Костробоньска. Довольно изъ этого, чтобы видѣть, что этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта, изображаемаго въ смыслѣ любовной плодотворной силы. Праздникъ ему приходится въ то время, когда вся природа бываетъ по русскому выраженію въ жру. Принадлежностью этого праздника есть гаданье, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, Славяне отправляли въ то время люстрацію полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ, и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру кротко, обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ Христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любовниковъ, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной напр. пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ

о скоропреходящих днях дѣвичества, днях забав и пѣсней, за которыми послѣдует одноообразная жизнь семейная. Оттого, в весенних пѣснях отец отправляет дочь на игрище и говорит: «гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою». А в пѣснях лѣтницких мать посылает дочь поневѣститься.

Разом с гуляньем, пиршествами и веселыми играми поминали мертвых. Хороводы переходили от священных рощь и вод к могилам: там отправлялись тризны с такими же играми как и весною. Оттого в христіанствѣ в семицкіе дни рыли могилы для странников. И теперь, около етого времени в обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, праздную полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившим, что и для них придет время, когда мечь свѣта поразит смока и избавит их из черной ночи.

В тоже время отправлялись жертвоприношенія Русалкам; и теперь недѣля послѣ духовой называется русальною. По извѣстію Козьмы Пражскаго, Чехи приносили около праздника Пятидесятницы жертвоприношенія источникам [22].

Наконец, в заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно из народных празднеств не

22) Cosm. III. 197.

dlib.kiev.ua

оставался у Славянъ съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и немогли до сихъ поръ; но оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI вѣкѣ) жалуются, что противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи противъ ночи и во весь день до ночи мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ, омываются водою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю [23]. Въ Синопсисѣ говорится, что въ Малороссіи въ навечеріи Рождества Св. Іоанна Крестителя собравшеся въ вечеру юноши мужеска женска и дѣвическа пола, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще жь на томъ бѣсовскомъ игралищѣ кладутъ огонь и окрестъ его емшеся за руцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огнь прескакующе [24]. Густинская лѣтопись гласитъ, что въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи собирается простая чадь обоего пола, сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія и

23) Русс. прост. празд. IV. 37. — 24) Синопс. 48.

dlib.kiev.ua

препоясавшеся былїемъ, возжигаютъ, огнь и даже поставляютъ зеленую вѣтвь и ємшеся за руцѣ скоро обращаются окрестъ того огня, поюще свои пѣсни, потомъ чрезъ оный огонь прескакуютъ [25]). Въ Польшѣ такой обычай назывался соботка, и въ XVI столѣтїи славнымъ увеселенїемъ даже высшаго класса. Намъ подаи завѣтъ матери, говоритъ Янъ Кохановскїй, извѣстный поетъ польскїй, чтобъ когда соловей перестанетъ пѣть и солнце вступитъ въ знакъ рака, непремѣнно была палима соботка [26]). По извѣстїю ботаника Мартина такой огонь, назначенный для перескакиванїя чрезъ него, добывался посредствомъ тренїя дерева объ дерево [27]). У Западныхъ Славянъ ето празднество, называемое также Соботка, такъ укоренилось, что, по извѣстїю Ходаковскаго, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ 23-го Іюня вечеромъ горы Судетскїя, Корконоши и Карпаты кажутся пылающими [28]).

Слѣды етого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ въ Сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура; въ Германїи онъ называется Iohannisfeuer: Нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. Какъ онъ древенъ, видно изъ того, что ещe Карлъ Великїй запрещаетъ его Саксонцамъ. Онъ тогда

---

25) Густ. Лѣт. Полн. Собр. Лѣт. II. 257. — 26) Dzieje Jana Kochanowsk. Krak. 1639. — 27) Рус. прост. празд. IV 29. — 28) Истор. Мал. Росс. Т. III.

dlib.kiev.ua

назывался Nedfri т. е. Nothfeuer необходимый огонь [29]. Въ Венгріи также зажигаютъ огонь и перескакиваютъ чрезъ него. У Литовцевъ этотъ праздникъ назывался Росса и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ [30]. У Финновъ онъ называется Кокко [31]. У древнихъ Римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палиліи, когда перескакивали черезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды [32]. Овидій говоритъ, что онъ три раза перескакивалъ черезъ огонь и былъ кропимъ водою съ лавровой вѣтви [33]. У Грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха [34]. Въ глубокой древности на праздникѣ Весты — 23 Іюня, кропили водою домы и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры [35]. У Монголовъ былъ такой же обычай, какъ видно изъ того, что князю Михаилу черниговскому Батый велѣлъ пройти сквозь огонь и поклониться кусту и огню [36]. У Симетическихъ народовъ существовало подобное перехожденіе черезъ огонь. Такъ отступники цари Іудейскіе Манассія и Ахазъ проводили дѣтей своихъ чрезъ огонь, по обычаю язычниковъ [37]. Такимъ образомъ, торжество купала

---

29) Lindenbr. Capit. — 30) Dzieje Nar. Lit. I. 306. — 31) Русс. прост. празд. IV. 27. — 32) Funke. IV. 26. — 33) Fastes VIII. — 34) Symb. IV. 563. III. 330. — 35) Русс. прост. празд. 24. — 36) Соф. врем. I. 261.
37) Паралип. 33. 6 — Царств. IV. 16. 3.

dlib.kiev.ua

у Славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи: прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ (artemisia vulgare) и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно—чучело на подобіе человѣка, другое — дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками: дерево обыкновенно бываетъ черноклень; потомъ раскидываютъ кучи соломы, зажигаютъ и, постановившись кругомъ, поютъ пѣсни, и, взявши въ руки изображенія, по-парно парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь, потомъ, когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Въ слѣдъ за тѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, поемыхъ при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Йвана) купался, что играло на немъ солнце, и что, наконецъ, накупавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Днѣпрѣ, и о мужескомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

dlib.kiev.ua

Кромѣ всего этого, прочїя пѣсни содержанїя эротическаго и почти варїанты свадебныхъ.

Изъ этого я заключаю: — что два изображенїя — мужеское и женское: Купало и Морена — означаютъ Лада - Свантовита — свѣтоносное начало, и женское водное начало или Дѣванъ: теперь они называются въ народѣ царь огонь и царица водица. Купало есть одна изъ номинацїй божества; Купало значитъ соокуплающїй, какъ Ярило — возбуждающїй къ любви. Слова: Купало (или Иванъ) купался, накупался, да упалъ въ воду—значатъ, что Лада-свѣтъ, кохался съ Дѣваною-водянымъ началомъ и соединился бракомъ, изъ какого соединенїя образовалась полная жизнь и любовь въ твореній. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего твореня; отъ того, по народнымъ повѣрїямъ, и солнце три раза останавливается на день Св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, послѣ вступленїя солнца въ знакъ рака, заключается въ природѣ процессъ растенїя и возбужденїя; — по этому, тогда солнце представляется на высочайшей крайней степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношенїи семейномъ этотъ день былъ великъ у Славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшїе хороводъ въ продолженїи праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается

тѣмъ, что пѣсни кѹпальскїя — есть, по большей части, однѣ и тѣже, что свадебныя; — въ нихъ ѹже мало поется любви, а если поется, то о свѣтрѹжеской; дѣвѹшка теряетъ отца, брата, сестрѹ и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золокѹ. Какъ кѹпанье, такъ и перескакиванье чрезъ огонь — обряды брачные и, кажется, ѹ Славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчанье. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI вѣкѣ, жаловался Митрополитѹ Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья [38]. Огонь же ѹпотребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пирѹ молодые перескакиваютъ чрезъ кѹчѹ зажженной соломы, какъ на Кѹпала. Въ этомъ предположеніи, что Кѹпало означало также и брачное торжество, ѹтверждаетъ меня то, что, по окончаніи всей церемоніи, бросаютъ вѣнки въ водѹ, а брошенный въ водѹ вѣнокъ въ малороссійской поезіи неизмѣнно символъ окончанія дѣвства. Оттого, и на свадьбахъ невѣста ходитъ въ вѣнкѣ, и снимаетъ его, когда станетъ женою.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственнѹю силѹ. Какъ вода, такъ и огонь, и даже

38) Русс. Достоп. I. 101.

dlib.kiev.ua

вѣники съ праздника Купальскаго признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. — Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебреную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали Славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатію полевыхъ работъ, и полагая, что этимъ они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ [39]). И потому, справедливо нѣкоторые мидографы называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія.

Я не знаю навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для хлопцихъ, но то знаю вѣрно, что̀ огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ Русскіе объяснили арабскому путешественнику, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобъ умершіе безпрепятственно вошли въ блаженство, слѣдовательно достигнули блаженства посредствомъ огня. [40]). Въ Богеміи ѣжели и хоронили трупы не сжигая, то считали необходимымъ, чтобъ на могилѣ три или семь дней горѣлъ огонь [41]). Что̀ вода была также

---

39) Lindenbr. Capitul. — 40) Ibn-Fotzl. 21. — 41) Kron Czeska.

dlib.kiev.ua

необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по-сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ [42]). Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ [43]). У Приволховскихъ Славянъ куски дерева, изъ котораго дѣлается гробъ, бросаются въ воду или сожигаются. — Въ Малороссіи бросаютъ шелуху красныхъ яицъ въ воду, надѣясь, что она по водѣ дойдетъ къ мертвымъ около дня Купала. Наконецъ, важно еще и то, что около этого праздника у Малороссовъ есть день, называющійся навій великъ день т. е. воскресеніе мертвыхъ. А думаю, что Славяне полагали день Купала, величайшій день годичной дѣятельности солнца, днемъ окончительной побѣды огне-свѣта надъ тьмою и зломъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовитъ - Ладъ, теперь называемый обжинки. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у Прибалтійскихъ Славянъ такимъ образомъ. — »Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, переводя отъ благоговѣнія дыханіе и смотритъ:

---

42) Ibn-Fotzl. 13. — 43) Ист. Льва Діак 93.

Єсть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Єжели нѣтъ или мало, єто служило предвѣстїемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма: жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленїяхъ о всеобщемъ благоденствїи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобъ никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того, онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовой пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: что, видите вы меня? Єжели єму отвѣчаютъ: не видимъ, то онъ говоритъ: ну чтобъ же вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобилїемъ [44])! Єто драгоцѣнное извѣстїе мы можемъ почитать, какъ бы оно было объ нашемъ русскомъ отечествѣ. До сихъ поръ у Малороссїянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный къ времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: видите ли вы меня, дѣти? єму отвѣчаютъ: не видимъ. Онъ говоритъ: ну дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли. Употребленїе медоваго пирога было и у Грековъ священнымъ. Послѣ обряда праздникъ проводился Славянами въ пиршествахъ и забавахъ.

44) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XVI. 289.

dlib.kiev.ua

Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды, истинно миѳологическіе, напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всѣмъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и женцы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у Славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до minimum своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ миѳологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. Въ Персіи праздновали Мигранъ, въ концѣ декабря и называли праздникомъ рожденія непобѣдимаго солнца. Подобно тому и въ Египтѣ жрецы торжествовали рожденіе Озириса. У Римлянъ тогда отправлялись Январскія Календы, называвшіяся также Natales Solis invicti. Этотъ праздникъ принадлежалъ также и къ поклоненію Митрѣ, называвшемуся непобѣдимымъ солнцемъ. Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У Скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Юлы въ знакъ возвращающагося солнца. Въ Англіи долгайшая зимняя ночь называлась материнскою, ибо съ этихъ поръ день прибавлялся и солнце входило въ прежнюю силу,

dlib.kiev.ua

т. е. раждалось [45]). У Славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь Колядою; нѣкоторые утверждали, что сіе наименованіе божества мира, другіе отвергали всякое мидологическое происхожденіе этого праздника и думали, что Колада есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ Полаковъ, которые заимствовали отъ Западныхъ Европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя Колады, при томъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними подобными мидологическими торжествами. Я нестанъ излагать всѣхъ этихъ сходствъ, а укажу на прекрасное сочиненіе Снегирева: Русскіе простонародные праздники, гдѣ это достаточно показано.—Полагаю же, что имя Колада—вовсе не произошло отъ Calendae, а скорѣе однознаменательно съ словомъ Іола, означающимъ колесо—кругъ солнца; тоже значитъ и колада отъ коло—кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у Славянъ отправлялся въ честь раждающагося солнца; изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ Славане начинали съ зимняго поворота. Озирисъ-Свантовитъ, пораженный на время Тифономъ-Черноборомъ, возстаетъ и начинаетъ свой процессъ оживленія природы. И такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою

45) Рус. прост. празд. II. 1—29.

dlib.kiev.ua

постоянно и сначала оно является въ маломъ видѣ, то отъ того и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины — олицетворенной природы — съ младенцемъ. Оттого и Поревитъ изображался безоружнымъ: это значило, что свѣтъ управляетъ міромъ, но уже безъ оружія борьбы съ тьмою и смертію, а голова на груди Поренута означала самовозрожденіе. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась коляда
На канунѣ рождества.

Можетъ быть, и должно быть — съ этимъ временемъ совпадало пришествіе на землю свѣтоноснаго начала въ видѣ человѣка; многія колядки, повидимому относящіяся къ дѣтству Божественнаго Искупителя, кажется относятся къ языческому воплощенію. Такъ, напр. въ одной колядкѣ, говорится, что матерь родила сына — искупала его въ морѣ, а мы знаемъ, что солнце купается, а, по литовской мифологіи, матерь его живетъ близъ моря. Вѣроятно, это былъ также праздникъ сотворенія міра, ибо въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ объ этомъ говорится, и говорится при томъ совершенно по языческимъ понятіямъ. Въ то время совершались священныя игры, какъ видно изъ зимнихъ хороводовъ, и приносились жертвы. Такъ въ одной русской пѣснѣ святочной изображается жено — языческое жертвоприношеніе: въ лѣсу горитъ

огни, вкругъ огней стоятъ скамьи, на скамьяхъ сидятъ юноши и дѣвицы,

Поютъ пѣсни калѣдушки,
По срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати,
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты види, ты выпрыгни,
Ай рады бы выпрыгнуть
Горючь камень къ котлу тянетъ,
Желты пески сердце высосали [46]).

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ имѣлъ, кажется, то значеніе, что тогда составлялся хороводъ на весну и освящается религіозными обрядами. Въ пѣсняхъ, которыхъ въ такомъ родѣ больше всего, изображается приготовленіе къ любовнымъ занятіямъ. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ атрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и плѣняетъ ее то геройскою удалью, — то прелестью красотою. Дѣ-

46) Сахар. Рус. свят. 16.

dlib.kiev.ua

вицамъ расхваливаютъ ихъ наряды, ихъ красоту, и говорятъ, что скоро сверстся къ ней князи и бояре, (т. е. женихи) будутъ искать любви ея и наконецъ возьметъ ее доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей.. По большей части, гаданья, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Изъ множества гаданій я считаю не лишнимъ привести на память нѣсколько такихъ, которыя несомнѣнно относятся къ языческому міру. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади:—дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его черезъ бревно: ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ — сердитый. Гаданье посредствомъ кольца также древнее, потому что слѣды его есть въ Краледворской Рукописи. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, есть хлѣбъ, брать кольца и т. под. сходно съ гаданьями римскихъ Августовъ. Гаданье посредствомъ накрытаго прибора въ банѣ сходно съ римскими гаданьями, описанными Св. Августиномъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ и, по скоромъ зажженіи заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ сіи гаданья исключительно семейныя. Поэтому, я полагаю, что въ

язычествѣ на праздникѣ колады — рожденїя солнца — составлялся и освящался хороводъ, котораго члены — юноши и дѣвицы — долженствовали на будущую весну своею любовїю прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ — жизнїю, а въ языческой богословїи символическим бракосочетанїемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнїя праздникъ Колады имѣлъ важное значенїе въ земледѣльческомъ отношенїи. Обычай щедровать и отчасти колядовать у Малороссовъ преимущественно земледѣльческїе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обилїе и счастїе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такогожъ благоденствїя на другой годъ. Богъ тебе кличе! — говорится въ одной щедровкѣ: — даетъ два лана жита, а третїй пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущїй годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ май, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ въ благодарность за хорошее желанїе долженъ поставить пѣвцамъ медъ и вина. У Великорусскихъ хозяинъ желаютъ корысти въ домѣ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣснях всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

dlib.kiev.ua

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ [47].

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую кладутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. — Обычай посыпать зерномъ на новый годъ наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется авсень у Великороссовъ и у Малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Я полагаю, что этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У Малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ — свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо начало, — Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія. Вставши праздникъ Колады, или новаго года былъ временемъ гаданій политическихъ: такъ изъ Олафовой Саги мы видимъ, что въ Новгородѣ на праздникѣ Іолы или Колады приносима была передъ народъ мать Владиміра, которая славилась пророчаніями и она предрекла о пришествіи сѣвернаго героя въ Гардарикію [48].

47) Рус. Свят. 11 — 48) Русск. Историч. Сборн. IV. 31.

III.

Замѣчанія о языческомъ славянскомъ богослуженіи вообще, а въ особенности въ Россіи.

Религіозныя основанія у всѣхъ Славянъ были одни, что видно изъ сходства нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ, праздненствъ, повѣрій и гаданій; но въ частномъ развитіи религіи славянской была разнообразна. Намъ несомнѣнно говорятъ, что у Прикалтійскихъ Славянъ были капища или храмы, было жреческое сословіе. Но нѣтъ слѣдовъ ни того, ни другаго, у Руссовъ, Полжковъ и Чеховъ. Несторъ говоритъ, что у Руссовъ въ Кіевѣ стояли идолы на холмѣ, а о жрецахъ и храмахъ — нѣтъ ничего. При описаніи обращенія въ Христіанство русскихъ, польскихъ и чешскихъ Славянъ нигдѣ не говорится объ оппозиціи жрецовъ и объ истребленіи капищъ. Въ пѣснѣ: Завой, Славой и Людекъ описывается борьба язычниковъ съ Христіанами въ Чехіи, и кажется если гдѣ, то тамъ должны бы мы были встрѣтить жрецовъ и капища, а между тѣмъ и тамъ нѣтъ ничего: идолы стояли въ священной рощѣ: тамъ совершали имъ жертвоприношенія, тамъ молились. И въ остаткѣ князя

Владимїра запрещается молиться у воды или, у рощенїя, но не въ капищахъ [1]. Извѣстный почтенный нашихъ археологъ Зорїанъ Ходаковскїй хотѣлъ во-что-бы-то ни стало найти капища и жрецовъ въ языческой Россїи. Онъ полагаетъ (между множествомъ другихъ доказательствъ), что храмами у нашихъ предковъ были городки или городища, т. е. небольшїя земляныя насыпи съ входомъ внутрь, обыкновенно полукруглыя, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Россїи. Относительно жрецовъ Ходаковскїй думаетъ, что слово князь однозначительно съ словомъ кѣндзъ, и доказываетъ тѣмъ, что въ литовскихъ бумагахъ русскихъ священниковъ называютъ попами, а латинскихъ князьями. Онъ видитъ жрецовъ въ договорѣ Олега съ свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ рукою великаго и полагаетъ, что если они не участвовали въ походѣ, то значитъ они были жрецы, и самому великому князю приписываетъ значенїе духовной особы, потому что Несторъ, говоря о холмѣ, на которомъ стояли идолы, сказалъ, что тамъ творили требы князь и людїе [2]. Но всѣ городки и всякаго рода земляныя фигуры еще не могутъ быть непреложно признаны славянскими; кто можетъ доказать, что другїе народы не дѣлали подобныхъ,—особенно тогда, когда-онѣ попадаются въ Восточной Россїи, гдѣ жили финны, вдвое еще чѣмъ въ Юго-западной, гдѣ из-

1) Карамз. Т. I. пр. 505. стр. 483. — 2) Русск. Историч. Сборн. Т. I. кн. 3. стр. 1—109 Ibid. Т. III. кн. 3. стр. 199—229.

dlib.kiev.ua

давна обитали Славяне? Слово города не можетъ быть принято исключительно въ смыслѣ храма, ибо города означаетъ у Славянъ вообще всякій кругъ или заго-роженное мѣсто; отъ того и сада — берта — называется бертоградъ, отъ того и круглый хоровода назы-вается городокъ; и вѣнокъ носитъ названіе города, и женскій головной уборъ называется городъ. Съ этимъ согласенъ самъ Ходаковскій. Городки или зем-ляныя фигуры могли быть пригодны для богослуже-нія менѣе, нежели для защиты отъ непріятелей, въ случаѣ внезапнаго нападенія, для засадъ, и для укры-санія хлѣба; а что Славяне такъ поступали, это намъ извѣстно. Относительно жрецовъ,—хотя князь творилъ требу, но ее творили и люди; и такъ это не было исключительною принадлежностію князя. По моему мнѣнію, у Славянъ не было жрецовъ, но, какъ у народа сугубо-патріархальнаго, каждый отецъ семейства имѣлъ право приносить съ родомъ своимъ жертвы и возсылать предъ всѣми моленія. Изъ Гель-мольда мы знаемъ, что, несмотря на видимое суще-ствованіе духовнаго класса у Прибалтійскихъ Славянъ, приносить жертвы могъ всякій; такъ въ святилищѣ Прове допускались всѣ тѣ, которые изъявляли жела-ніе приносить жертву. Но такъ-какъ и въ граждан-скихъ дѣлахъ старѣйшины — Patres familiarum у жизне-описателя Оттонова [3]), владыки у Чеховъ — имѣли первенство на вѣчѣ, заѣдывали порядкомъ, рѣшали

3) Vit. Sanct. Ott.

dlib.kiev.ua

недоумѣнїя, составляли высшїй правительственный классъ народа, то, безъ сомнѣнїя, они первенствовали и въ богослуженїи. Отъ того и въ Краледворской Рукописи, въ пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ, говорится, что приносилъ богомъ жертвы отчикъ (отецъ). А такъ какъ у Славянъ въ язычествѣ князь въ общинѣ имѣлъ такое значенїе, какое каждый отецъ семейства, владыка въ своемъ родѣ, и какъ значенїе основалось всегда на томъ же правѣ первородства и патрїархальной власти, то и князь въ отношенїи общины или державы первенствовалъ въ богослуженїи, совершалъ жертвоприношенїя и возсылалъ моленїя всенародно какъ священникъ, тогда, когда дѣло касалось цѣлой общины; подобно какъ отецъ или владыка священнодѣйствовалъ тогда, когда касалось его рода. Вотъ отъ чего у Нестора сказано: творяхуть трєбы князь и людїе. А полагаю, что даже и въ Прибалтїйской Славянщинѣ значенїе жрецовъ имѣло такое же основанїе, ибо Дитмаръ называетъ такїя лица назначенными къ святилищу. Стало быть, голосъ народа участвовалъ при избранїи жреца, а поетому, значитъ, тамъ не было касты. Мы уже знаемъ, что теперь въ Малороссїи отправляется обрядъ, весьма сходный съ обрядомъ при храмѣ Свантовита: — этотъ обрядъ отправляется отцомъ семейства; — немудрено ежели и жрецъ Свантовита былъ старѣйшїй изъ отцовъ семействъ. Власть жрецовъ, говоритъ Гельмольдъ, такъ велика, что и царь меньше почи-

dlib.kiev.ua

тается, нежели жрецъ. Но что значитъ у Гельмольда царь? мнѣ кажется, что вѣрно воевода, а настоящій царь или князь и есть-то жрецъ. Но тѣмъ не менѣе ети отцы семейства, завѣдуя храмомъ, составляли уже какъ бы особенное сословіе: ибо обманывали народъ суевѣріями, гаданіями, явленіями, для своей выгоды, и держали въ тайнѣ свою науку.

Въ Прибалтійской Славянщинѣ богослуженіе носило правильный образъ: жрецы имѣли бѣлыя богослужебныя одежды, свои особенные термины и слова, священныя палки, которыми они значительно ударяли въ землю. Мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать существованія такихъ обрядовъ въ прочихъ странахъ Славянщины, хотя вѣроятно, что и у насъ въ Россіи были положенные обряды, которые переходили отъ поколѣнія въ поколѣніе и такъ составляли богослуженіе. Ето видно изъ нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ; ежели они дошли до насъ чрезъ столь долгое время, то должно предполагать, что они были нѣчто правильное. Однако, религія славянская, хотя человѣчески разумная, благородная, доходила даже до грубаго фетишизма въ народѣ. По сказанію Ибн-Фоцлана [4]. Руссы покланялись истуканамъ и клали у подножія ихъ съѣстные припасы, думая, что все то подается богами, когда въ самомъ дѣлѣ расхватываютъ птицы. Въ пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ — отецъ приносилъ богамъ ѣсть. Впрочемъ, какъ у Славянъ

4) Ibn—Fotzl. 9.

dlib.kiev.ua

были священныя птицы, и притомъ, самые боги, — какъ видно изъ мида о кукушкѣ — превращались въ птицъ, то, можетъ быть, Руссы въ самомъ дѣлѣ кормили птицъ и Ярикъ несправедливо заключилъ, что пища предназначена для деревянныхъ боговъ и похищена птицами.

Относительно того, были ли въ Россіи храмы, мы, основываясь на извѣстіяхъ лѣтописныхъ и другихъ памятникахъ, должны сознаться, что не можемъ признать ихъ существованія, но однако не можемъ и отрицать. Вообще храмы языческихъ народовъ значили не то, что теперь у насъ церковь; храмы не стояли въ каждомъ селѣ, а находились въ немногихъ мѣстахъ, почитавшихся особенно священными. Гельмольдъ говоритъ, что вся Славянщина стекалась къ храму Свантовита: вѣроятно, что Русскіе Славяне туда ѣздили; но быть можетъ и въ Россіи было нѣсколько такихъ храмовъ.

Несторъ вообще мало распространяется о язычествѣ Славянъ Русскихъ. Мы узнаемъ изъ него, что Владиміръ поставилъ на холмѣ возлѣ двора теремнаго истукана Перуна съ серебряною головою и золотымъ усомъ, Даждь-Бога Хърса, Стрибога, Симаргла и Мокошь [5]). Мы уже выше объяснили, что Перунъ и Даждь-Богъ суть наименованія свѣтоноснаго существа. Стрибогъ называется въ Словѣ о Полку Игоря дѣдомъ вѣтровъ, а въ малороссійскихъ сказкахъ мы

5) Нест. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I. 34.

dlib.kiev.ua

встрѣчаемъ вѣтрова батька: ето дꙋхъ, олицетворенный вѣтеръ. Мокошь, какъ ѧ ꙋже сказалъ выше, значило водꙋ. Что касаетсѧ до Симаръ-гла — ѧ не въ силахъ объѧснить етого чꙋждаго и вѣрно испорченнаго названїѧ. Хърсъ объѧснѧетсѧ изъ персидскаго ѧзыка: Коршъ или Коршидъ = значитъ солнце. Но можетъ быть слово Хърсъ однозначительно съ красъ = красный. У Нестора оно повидимомꙋ относитсѧ къ Даждь-Богꙋ; ибо слово ето не отдѣлено отъ слова Даждь-Богъ союзомъ — и, — подобно дрꙋгимъ наименованїѧмъ. Въ Словѣ о Полкꙋ Йгоревѣ говоритсѧ, что чꙋдодѣйственный Всеславъ добѣжалъ до кꙋръ Тьмꙋторакань великомꙋ Хръсови пꙋть прерыскаше. Тоесть: до пѣнїѧ пѣтꙋховъ онъ прибылъ въ Тьмꙋторакань, опереживаѧ Хръса, то̀, что̀ ѧвлѧетсѧ послѣ пѣнїѧ пꙋтꙋховъ т. е. солнце. Персидское слово легко могло зайти къ нашимъ предкамъ, при сходствѣ свѣтопоклонничества Персовъ и Славѧнъ еще въ глꙋбочайшей древности. Кромѣ етихъ боговъ, Несторъ ꙋпоминаетъ о Волосѣ, называѧ его скотїимъ богомъ; въ Словѣ о Полкꙋ Йгорѧ онъ названъ Велесомъ, а Боѧнъ, поетъ, его внꙋкомъ. Сабининъ полагаетъ, что ето богъ богатства (скотъ значитъ богатство) физическаго и дꙋховнаго, равнозначителенъ съ Дїемъ и однознаменателенъ съ Перꙋномъ. Глинка производилъ Велесъ отъ велїй, Рꙋссовъ и Вельтманъ видѣли въ немъ ассирїйскаго Бела: Белъ былъ тоже божествомъ животныхъ. Рѣшительно отказываюсь отъ толкованїѧ, ибо

dlib.kiev.ua

не книгъ никакой пользы пытаться къ догадкахъ. Конечно, сіе или одно изъ знаменованій свѣта, или духъ - покровитель стадъ, котораго значеніе перенесено впослѣдствіи на св. Власія.

Хотя несторовы боги, повидимому, отличались отъ божествъ другихъ Славянъ, но такъ - какъ мифологическія названія были коллономинаціями однѣхъ и тѣхъ же сущностей, то несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые хотятъ отдѣлить русскую мифологію отъ мифологій другихъ Славянъ. Кромѣ истукановъ, поставленныхъ на холмѣ первономъ, Славяне Русскіе имѣли еще обширнѣйшій запасъ мифологіи, ускользнувшій отъ лѣтописцевъ. Мы уже знаемъ навѣрное, что Славяне Русскіе чествовали Ладу, матерь-природу, и бога - свѣта подъ мужескимъ такимъ же именемъ, хотя у Нестора нѣтъ сихъ именъ. Кромѣ сихъ именъ въ пѣсняхъ, есть множество урочищъ въ Россіи, напоминающихъ названіе Лады и Лѣда: въ одной новгородской губерніи Ходаковскій насчиталъ ихъ девять; тамъ же онъ сосчиталъ шесть, напоминающихъ епитетъ Лада — Лелисъ = свѣтлый. По извѣстіямъ тогоже достойнаго археолога, у насъ существуютъ названія Бѣлобоги, Чернобоги, Бѣлославы, Черныславы, Радогосты, напоминающіе Бѣлбога, Чернобога и Радогоста: доказательство, что прибалтійскія божества были намъ нечужды. Притомъ, есть у насъ еще нѣсколько такихъ, которыя указываютъ на бытіе вовсе неизвѣстныхъ мифоло-

гическихъ существъ, напримѣръ: Радобужъ, Хотобожъ, Любужъ, Ждобужъ, при переводѣ на теперешній языкъ Радъ-Божій, Любо-Божій, Хоти-Божій, Жадъ-Божій: можно предполагать существованіе какихъ-то Радо-боговъ, Любоговъ, Хоти-боговъ, Жадо-боговъ. Если мы прибавимъ ко всему этому сходство обрядовъ другихъ Славянъ съ нашими, а въ особенности сходство между гаданьемъ посредствомъ коня при храмѣ Свантовита и нашимъ святочнымъ, сходство между праздникомъ жатвы въ Арконѣ и обычаемъ въ Малороссіи предъ рождественскими святками, то несомнѣнно признаемъ: 1) что наша миѳологія была несравненно полнѣе чѣмъ ее представилъ Несторъ; 2) что наша миѳологія имѣла тѣсную связь съ миѳологіею Западныхъ Славянъ, такъ что въ существѣ она была одно и тоже.

КОНЕЦЪ.

dlib.kiev.ua

Идолобожіе по свидѣт. Прокопія, 1.

Сварогъ и сынъ его Дажь-богъ (Ипатьев.), Сварожичъ (Дитмаръ Мерзеб.), Радегастъ (Адамъ Бременскій) (Гельмольдъ) (Саксонъ Грамматикъ), Перунъ, Триглавъ (Житіе Оттона Бамбергскаго), Бѣлбогъ, Яровитъ, Ругіевитъ, Поревитъ, Переннтъ, — Ладо (Густ., 27), Живъ, Жива и Лада = Церера. Поклонялись рѣкамъ и источникамъ 36, 37. Погребеніе Морены въ праздникъ Купало — празднество соединенія солнца съ водою, 38. Мокошь 40. Дѣвоня 40.

dlib.kiev.ua